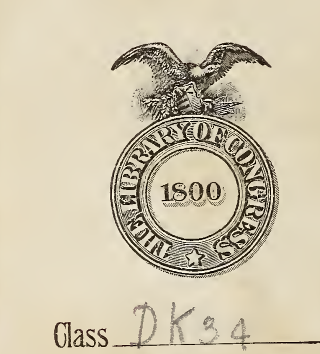
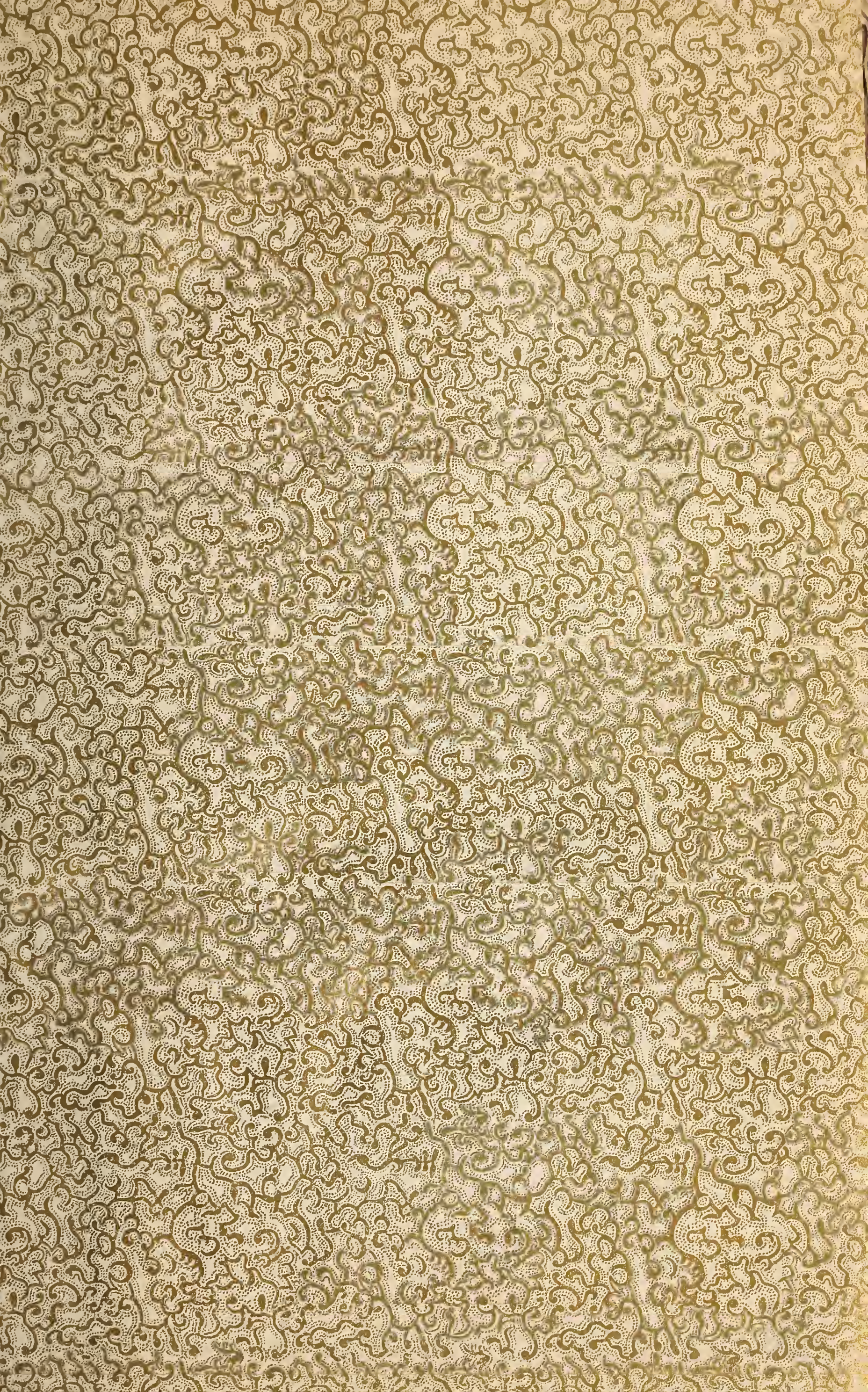

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОТЪѢЗЖІЯ ПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Барона Розена.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

Rozen, Egor Fedorovich, baron

ОТЪѢЗЖІЯ ПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Барона Розена.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 12 мая 1857 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи.

ОТЪѢЗЖІЯ ПОЛЯ.

ПОЛЕ ПЕРВОЕ.

Наши Праотцы.

§ 1.

Охотничій терминъ заглавія избранъ потому, что жизнь человѣческая—вѣчная *охота*, гоньба за чѣмъ-нибудь, частенько за тѣнію неуловимою. Мы, однако, за такою несущественною дичію гнаться не станемъ.

Прієлись намъ эти повѣсти и романы, какъ привозные такъ и доморощенные, которыми угощаютъ насъ современные печатники; не по нашему вкусу этотъ цинизмъ вялый, безжизненный, скоротлимый! Право, вздохнешь по грандіозномъ цинизмѣ Діогена и Петронія: тамъ, по крайней мѣрѣ, видишь здоровую, краснощекую природу, въ первобытномъ состояніи, съ античнымъ прямодушіемъ ея! Не прелесть ли, въ своемъ родѣ, особенно для гастрономовъ, *пиръ Тримальхіона!* Надъ этимъ без-

смертнымъ пиромъ несется суровая богиня судьбы: при видѣ серебрянаго скелета человѣческаго, на пиршественномъ столѣ, Прохладникъ *триэжды ласкосердый* (переводъ слова: Трималь-хіонъ) воскликнулъ: Quam totus homuncio nil est! (Какъ ничтоженъ весь человѣчекъ!) и знаменитый проповѣдникъ Боссюетъ перенялъ этотъ возгласъ: Ah! que nous ne sommes rien!.. Но мы не циники! Далече отъ всего мутнаго и нечистаго, отъ болѣзненнаго передражниванія буднишней колотьбы въ людскомъ быту—разгуляемся на чистомъ воздухѣ отъѣзжихъ полей, чтобы свѣжею жизнію и бодрымъ духомъ охоты повѣвало по цѣпи разнородныхъ повѣстей, которою обхватимъ *кнею* — (по вашему: участокъ лѣса; а по нашему: все нумерованное поле охотное) — и эту цѣпь поведемъ мы, обычнымъ облавнымъ порядкомъ, къ центру кнеи, т. е. къ главной идеѣ «Отъѣзжаго Поля», связывающей въ цѣлое всѣ отдѣльныя части.

Начать ли съ *Немрода*, первобытнаго охотника? Нѣтъ: далекъ Вавилонъ! Останемся *дома*, въ границахъ нашего Отечества: мы и здѣсь, на просторѣ, найдемъ славныхъ охотниковъ—можетъ быть и такихъ, которые пу-

темъ историческимъ, путемъ *побѣдъ* приведутъ насъ въ отчизну Немрода.

Предки наши были отмѣнные любители охоты. Эта исконная страсть выразилась и въ нашей филологіи: у насъ широко развернулась охота за единоплеменностью. Особенно въ новѣйшія времена, витязи этой охоты—герои глубокой учености, развивши стягъ исторической критики, не въ шутку перещеголяли сказочныхъ богатырей Владиміровыхъ.... покрыли своимъ побѣдоноснымъ набѣгомъ, подъ авспиціями Радегаста и *Сивы,* почти всю средневѣковую Европу. Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, мы здѣсь тотчасъ должны замѣтить, что эта средневѣковая Сива нисколько не сродница, не южика соименному ей Индійцу: тотъ языческій богъ разрушенія; она же — богиня жизни..... какой-то жизни исключительной, чрезвычайно полюбившейся поборникамъ ея. Честь имъ и слава за ихъ отличные подвиги, въ любимомъ духѣ нашихъ старинныхъ сказаній и былинъ! На этой средневѣковой охотѣ филологической убито много дичи, взрачной и вкусной и пригодной, во всякомъ случаѣ, для новыхъ народныхъ сказаній, и повѣстей и ро-

мановъ, даже для поэмъ эпическихъ! Какъ поэтъ—любитель всякихъ фантазій и благодушныхъ парадоксовъ—воздаешь полную похвалу этому міровому походу, этой искуснѣйшей — чтобы не сказать чудодѣйной—стрѣльбѣ, поклоняясь стрѣльцамъ-филологамъ до́-полу и даже *ниже того*, послику сіе возможно въ завѣтной области нашихъ сказокъ: они открыли намъ нѣкую неистощимую Америку миѳовъ, драгоцѣннѣйшихъ для насъ, нежели былъ, для Грековъ, миѳъ объ осадѣ Трои.

На дикихъ въ Европѣ племенахъ, въ средніе вѣка, лежитъ такой мракъ, котораго никто не сниметъ, за безграмотностью тѣхъ племенъ и за недостаткомъ исторически-вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ. Поэтому, довольствуясь открытіемъ великаго міра миѳологическаго, едва ли и самый смѣлый у насъ охотникъ уже пустится въ такое отъѣзжее поле, гдѣ нельзя ожидать никакой добычи исторической. Лингвистика — невѣрный путеводитель въ этомъ дѣлѣ. Въ дикомъ состояніи, всѣ племена людскія сходствуютъ между собою, въ своихъ нравахъ, и нѣтъ еще никакой особенной надобности различать эти племена. Языкъ ихъ, столь же

грубый, какъ и нравы, ограничивается только простѣйшими выраженіями и названіями нужнѣйшихъ и очевиднѣйшихъ предметовъ. Главнѣйшія слова подобнаго языка легко переходили, по надобности политической, отъ одного племени къ другому. Положимъ: Готы, въ свои кочевки по нынѣшней Россіи, могли набраться сотни словъ, употреблявшихся у первобытныхъ жителей нашего Отечества, и потомъ, подаваясь далѣе на Западъ, сообщить эти слова другимъ племенамъ германскимъ—и даже африканскимъ, когда, подъ именемъ Вандаловъ, перешли изъ Испаніи въ Африку. Эти же Готы, забывъ, при своихъ столкновеніяхъ съ дальнѣйшими народами, слова, слышаныя въ степяхъ Россіи, въ замѣнъ этихъ словъ приняли въ свой языкъ другія, нужнѣйшія для нихъ, въ сношеніяхъ съ другими народами—и по этимъ кочевавшимъ словамъ мы будемъ слѣдить всюду и осачивать иностранныхъ медвѣдей, чуя въ нихъ своихъ южиковъ! А еще за долго до Готовъ, Киммеріане, (за 650 лѣтъ до Рождества Христова) изгнанные Скиѳами изъ Россіи въ Германію и Галлію и, подъ именемъ *Цимбровъ*, сражавшіеся съ Маріемъ, за 114 лѣтъ до нашей эры, могли раз-

нести по Европѣ множество словъ, звучащихъ намъ чѣмъ-то роднымъ.

Русская Кліо и не тужитъ: *чѣмъ* могутъ прельстить ее эти средневѣковые варвары — мнимые или настоящіе соплеменники наши—не вошедшіе въ составъ святой Руси? Они — отрѣзанныя вѣтви отъ великаго древа народнаго, разросшагося, наподобіе *Игдразиля* Норманской миѳологіи, и осѣняющаго весь міръ — въ лицѣ нашего Отечества! Эти дикія племена не образовали самобытнаго государства, утратили свою политическую независимость, не совершивъ *ничего* для человѣчества — такъ Богъ съ ними: они намъ *чужіе*! А родные братья сынамъ Россіи—иноплеменные, въ Рюриково время, народы: Меря, Мурома, Весь и проч., давно обратившіеся въ Россіянъ, какъ и всѣ другіе, болѣе или менѣе обрусѣвшіе, подъ властію единаго Царя, и стремящіеся къ совершенному, въ непродолжительномъ времени, *обрусѣнію*, такъ же какъ и Меря и Мурома.

Влѣдствіе того предоставляемъ, кому угодно, темное отъѣзжее поле среднихъ вѣковъ въ Европѣ — такой періодъ историческій, когда уже пала Греція; когда падалъ Римъ; когда

необузданное варварство рыскало по всей Европѣ; но, завидуя славѣ тѣхъ витязей-филологовъ; смущаясь прелестью блистательныхъ подвиговъ миѳологическихъ; вполнѣ постигая чувство Ѳемистокла, при видѣ трофеевъ Мильтіадовыхъ —и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая доказать, что мы столь же *страстно* любимъ все, относящееся къ нашему Отечеству—мы избираемъ для себя *иное* отъѣзжее поле, гдѣ не на воздухѣ будемъ носиться по туману, а чувствовать всегда твердую почву подъ ногами— періодъ историческій, когда Греція только что расцвѣтала и приближалась къ блистательному вѣку Периклу, когда Римъ еще только что начинался!.. Не правдали? пріятно будетъ вѣдаться съ нашими праотцами въ вѣкъ Мильтіада, Солона и еще ранѣе—съ праотцами Русскихъ Славянъ, со Скиѳами Геродота, и высматривать въ нихъ такія психологическія черты, по которымъ нельзя не признать Скиѳовъ нашими первобытными предками. Наши герои-филологи, взявшись отнести существованіе и мужество избраннаго ими племени за *шесть* вѣковъ до начала Руси, *далече за границы ея*, признаютъ своими предками иные изъ храбрѣй-

шихъ народовъ, сражавшихся съ Римлянами; а мы, съ своей стороны, возьмемся отодвинуть, *не выходя изъ границъ Россіи, четырнадцатью вѣками* выше, блистательную храбрость нашихъ предковъ, т. е. за шесть вѣковъ *до* Рождества Христова; и если намъ удастся найдти, въ прекрасный вѣкъ Солона и мудрецовъ греческихъ, между нашими дикими предками *человѣка*—въ полномъ смыслѣ слова — и присвоить святой Руси эту особу, славившуюся во всей Греціи—то мы симъ *единымъ* человѣкомъ украсимъ, усвѣтимъ доисторическій періодъ нашего Отечества, между тѣмъ какъ *милліоны* средневѣковыхъ варваровъ, навербованныхъ нашими филологическими Охотниками, суть не иное что, какъ призраки фантасмагоріи.

Послѣ того знаменитаго предка нашего, мы можетъ статься — найдемъ и *восточнаго* Наполеона, нагрянувшаго, съ такою же, огромною арміею въ 700,000 человѣкъ, на нашу Русь — за пять сотъ лѣтъ до Рождества Христова—Наполеона, проводимаго и губимаго ею точно такимъ же образомъ, какъ и въ наше время, въ 1812-мъ году.

§ II.

Извѣстно, почему *достовѣрны* свѣдѣнія Геродотовы о Скиѳахъ: за сто лѣтъ, или болѣе— до Геродота, расцвѣтали греческія селенія на нашихъ берегахъ черноморскихъ. Скиѳы хотя и ненавидѣли обычаи Грековъ, но охотно принимали у себя иностранныхъ гостей и всякихъ путешественниковъ изъ этихъ греческихъ колоній, которыя оставались въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Къ тому еще, племя Каллипидовъ—греко-скиѳское—составляло легкую естественную связь между греческими поселенцами и разными племенами скиѳскими; въ добавокъ, любознательный Геродотъ самъ посѣтилъ Скиѳію и разборчиво набрался всякихъ о ней свѣдѣній. Невольно улыбнешься положительному уму эллинскаго Историка, забывшаго, что человѣкъ, въ дикомъ состояніи, любитъ выражаться иносказательно: Геродотъ отвергъ, какъ басни, сказанія о Неврахъ, обращающихся въ волковъ ежегодно, на нѣсколько мѣсяцевъ (т. е. ходившихъ, въ зимнее время, въ волчьихъ шубахъ)—и объ *Эгиподахъ*—

людей *козоногихъ*, т. е. лазавшихъ по горамъ, какъ козы.

Здѣсь мы стоимъ на поморіи историческаго материка; отсюда — выше въ древность, начинается океанъ миѳа; но взоръ нашъ, проникая въ этотъ океанъ далеко—на восемь вѣковъ — различаетъ, въ этомъ туманномъ промежуткѣ, кое-что историческое и правдоподобное. Славная экспедиція Аргонавтовъ въ Кольхиду, за 1350 лѣтъ до Р. Х., какъ обыкновенно полагаютъ, есть несомнѣнный фактъ историческій, наряженный въ роскошь миѳа. Аргонавты, избѣгая натечливаго князя Колхійскаго, у котораго похитили Золотое Руно и дочку Медею, возвращались домой не прямымъ путемъ къ Ѳракійскому Босфору, а периплом, вдоль сѣверныхъ (русскихъ) береговъ Черноморскихъ, ибо приплыли къ устьямъ Дуная; на этомъ пути, они должны были открыть Тавриду и, вѣроятно, пристали къ мысу Севастопольскому. Мы не пользуемся миѳомъ о Гекатѣ и сказаніемъ, что Аргонавты, еще *до* прибытія въ Кольхиду, причалили къ берегу Таврическому. Отъ сей экспедиціи до начала Троянской войны протекло около семидесяти лѣтъ. Въ про-

долженіе этого времени, первоначальныя о Тавридѣ вѣсти могли, черезъ торговлю Грековъ, или Финикіанъ, съ Скиѳами значительно распространяться и разъясняться въ Греціи, такъ, что Агамемнонъ, по всей вѣроятности, очень хорошо зналъ, *куда* тайкомъ отправлялъ свою Ифигенію. Двоякое о ней сказаніе не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она—разумѣется, съ согласія Кальхаса, была спасена посредствомъ хитраго механизма, но что спасеніе ея должно было оставаться глубокою тайною для греческаго флота въ Авлидѣ.

Откуда дикіе Тавры могли имѣть знаменитое изображеніе своей Діаны? Гораздо вѣроятнѣе, что это было произведеніе греческаго мастера, и что Агамемнонъ отправлялъ въ Тавриду *вмѣстѣ* и *богиню* и жрицу ея, напередъ приготовивъ все для религіозно-торжественнаго пріема, въ чемъ рѣшительно способствовало чувственное (въ картинѣ) присутствіе самой богини. Отъ Геродота знаемъ мы, что Скиѳы наиболѣе уважали богиню-дѣвицу—Весту, называвшуюся у нихъ *Табити*; ей, вѣроятно, поклонялись и Тавры: поэтому не трудно было приготовить для Ифигеніи ласковый пріемъ

въ Тавридѣ, посылая туда ликъ дѣвственной богини и дѣвственную жрицу ея. Если же, наоборотъ, милая, злополучная Ифигенія есть прототипъ этой скиѳской Весты, т. е. если благодѣтельное вліяніе Эллинской Княжны на умъ дикихъ Тавровъ породило, впослѣдствіи, идею этой Табити, то еще лучше для насъ: берегъ русской провинціи съ любовью и восторгомъ принимаетъ прекраснѣйшее созданіе Агамемнонской Греціи, которое, внушая дикимъ предкамъ нашимъ человѣколюбіе и кроткія добродѣтели (язычество не имѣло ничего лучшаго)—становится, такъ сказать, прообразомъ другой—уже *русской* — женщины, принесшей намъ, черезъ двадцать два вѣка послѣ Ифигеніи, изъ Греціи же, свѣтъ истинной Вѣры. Наконецъ, это тотъ же берегъ Тавриды, гдѣ Властитель Руси, нашъ Солнышко-Князь и бояре его—крестились!

Иной изъ читателей, безъ сомнѣнія, спроситъ, откуда взяли мы это «благодѣтельное вліяніе Ифигеніи на умъ дикихъ Тавровъ», когда, напротивъ—по преданію—она, какъ жрица, должна была исполнять страшный законъ у Тавровъ: предавать закланію всѣхъ иностран-

цевъ, заброшенныхъ на этотъ дикій берегъ — и едва не сразила и своего брата роднаго? Отвѣтствуемъ: мы смѣло отвергаемъ преданіе, не согласное съ характеромъ дѣйствующаго лица! Плѣнительное созданіе, съ какимъ познакомились мы въ Авлидѣ — эта жемчужина греческихъ дѣвъ—не могла бы обагрять рукъ своихъ кровію человѣческою! Къ тому еще: «Предъ алтаремъ сама я трепетала!» говоритъ она у Гёте: *мнѣ* ли совершать кровавыя жертвоприношенія! — Гораздо вѣроятнѣе, что она, будучи жрица и толковница воли богини своей, именемъ ея запретила эти ужасныя жертвоприношенія; и, если съ тѣхъ поръ въ Тавридѣ—какъ то изображается въ Гетевой Ифигеніи — дѣйствительно оказывалась особенная благодать, то не только Царь Тоасъ, но и всѣ Тавры его должны были благоговѣть къ своей провозвѣстницѣ: считать ея повелѣнія исходящими прямо отъ богини. Историкъ отвергаетъ неправдоподобное преданіе, не замѣняя онаго ничѣмъ; но поэтъ, или тотъ, кто подобно намъ теперь, въ области миѳа воспроизводитъ, по аналогіи, утраченную исторію — смѣло допускаетъ фактъ, противоположный

преданію—фактъ, столь вѣроподобный чистому чувству людскому, относительно характера Ифигеніи. Стало быть, мы здѣсь, нисколько не опираясь на Гёте, основываемся на чистомъ умозаключеніи. Съ другой стороны: могъ ли *истинный*, да еще столь великій поэтъ, каковъ Гёте, выдумать подобную Ифигенію въ Тавридѣ, еслибъ не нашелъ ее въ области высшей истины? Художественный законъ такъ же строгъ, какъ и всѣ другіе законы, и ему должно подчиняться безусловно.

Замѣтимъ еще, что прекрасный, некровопролитный конецъ Гётевой Ифигеніи, столь согласный съ духомъ его драмы, мотивированъ самымъ искуснымъ образомъ! Орестъ, узнавъ въ жрицѣ *свою* сестру, уразумѣлъ, что изъ-за изображенія Діаны не имѣетъ онъ надобности драться съ Тоасомъ: Оресту велѣно было оракуломъ Аполлона, для избавленія отъ Фурій, привезть изъ Тавриды *сестру!* Богиня-дѣвица (Діана) была сестра Аполлона: такъ Орестъ вообразилъ, что ему надобно привезти завѣтное изображеніе богини. Нашедъ же тамъ свою собственную сестру, которую онъ считалъ закланною въ Авлидѣ, онъ понялъ, въ *чемъ* дѣ-

ло, и что ему не нужно изображеніе богини— и Тоасъ могъ отказаться отъ предложеннаго имъ поединка. Но Гётевскій Тоасъ долженъ былъ подчиняться эллинскому духу драмы, укрощать природную дикость свою, чтобы не нарушать этого духа. Сознаваясь въ томъ, мы водворяемъ здѣсь *преданіе* въ полныя права его. Оно говоритъ, что Орестъ, вмѣстѣ съ сестрою Ифигеніею, увезъ изъ Тавриды и изображеніе богини: стало быть, поединокъ между Орестомъ и Тоасомъ состоялся — и Тоасъ палъ! *Скиѳъ* не могъ бы такимъ образомъ, какъ у Гёте, выдать жрицу своей богини; но условіе поединка, что Орестъ увезетъ и свою сестру и богиню, если побѣдитъ Тоаса, достаточно доказываетъ благородство сего послѣдняго, сильное на него вліяніе обожаемой жрицы; а уваженіе дикихъ племенъ къ отличной храбрости легко объясняетъ безпрепятственный, со стороны Тавровъ, отъѣздъ Ореста, по убіеніи Тоаса.

Мы говоримъ: отъѣздъ безпрепятственный, со стороны *массы* народа! Отдѣльныя же партіи изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Тоаса и усерднѣйшихъ приверженцевъ увозимой Діаны, движимыя фанатизмомъ, весьма могли бросаться въ

море, въ погоню за греческимъ кораблемъ, ухватываться за рули его (суда́ древнихъ имѣли болѣе одного руля) и безполезно погибать подъ ударами Ореста и Пилада, какъ то изображала стѣнная живопись во храмѣ сихъ витязей, сооруженномъ самими Скиѳами Таврическими—о чемъ свидѣтельствуетъ Лукіановъ діалогъ «Токсарисъ.» Въ надлежащемъ мѣстѣ, мы поведемъ слово о глубокой значительности этого храма, въ отношеніи къ безпримѣрному въ Исторіи благодушію народа Скиѳскаго; здѣсь же, покамѣстъ, замѣтимъ, что этотъ храмъ и общенародное въ Скиѳіи поклоненіе Оресту и Пиладу ограждаютъ отъ всякой сомнительности похожденія ихъ въ Тавридѣ.

За Ифигеніею и Аргонавтами—этими крайними, по нашему предмету, точками историческими, начинается чистый миѳъ, въ который разрѣшается первобытность всѣхъ народовъ! Но въ неизвѣданной глубинѣ миѳа, какъ на днѣ рѣки, зачинается нѣчто, въ родѣ водянаго растенія, тянется вверхъ и, напослѣдокъ, выходитъ наружу, раждается цвѣтущимъ лотосомъ въ міръ Исторіи.

О происхожденіи Скиѳовъ было двоякое пре-

даніе: народное и греческое. По первому, Скиѳы, считая себя *младшимъ* изо всѣхъ народовъ, относили однако начало свое за полное тысячелѣтіе до нашествія Дарія, т. е. къ 1508 году до Рождества Христова. Первородный въ пустынной Скиѳіи человѣкъ былъ Таргитай—сынъ Зевеса и дочери Борисѳена (Днѣпра), т. е. *Русалки Днѣпровской*...Такъ и первобытный Скиѳъ уже пахнетъ Русью!.. Родимый Днѣпръ ознаменованъ великою честью у своихъ потомковъ; да и Русалка, нѣсколько одичавшая въ позднѣйшемъ баснословіи, поэтами русскими легко можетъ быть возстановлена въ своемъ первоначальномъ достоинствѣ. У Таргитая было три сына, жившіе дружно между собою. Въ это время упали съ небесъ *земледѣльческія орудія* (соха и яремъ), *топоръ* и *золотое блюдо*, или подносъ. Старшій братъ подходитъ: золото раскалилось, какъ уголь! Со вторымъ тоже самое; но младшій находитъ золото остывшимъ, беретъ въ руки—и старшіе братья признаютъ его — главою всей Скиѳіи! Небесное золото, хранившееся въ священномъ мѣстѣ, было предметомъ религіознаго поклоненія всѣхъ скиѳскихъ племенъ.

Для первобытныхъ Римлянъ, имѣвшихъ надобность *защищаться* противъ сильныхъ, завистливыхъ сосѣдей, упалъ съ небеѳъ *щитъ*; Скиѳамъ же, на безконечномъ просторѣ, Зевесъ своими подарками указалъ на устройство гражданское. Эти эмблемы: земледѣльческія орудія и топоръ—не доказываютъ ли, что земледѣліе и плотничество были первобытнымъ занятіемъ всѣхъ скиѳскихъ племенъ. Впослѣдствіи, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, завелся другой родъ жизни — кочеваніе, вѣроятно отъ умноженія стадъ. Русь и нынѣ держится тѣхъ изначальныхъ эмблемъ.

Другое, у черноморскихъ Грековъ, преданіе о происхожденіи Скиѳіи кажется *эллинизованнымъ* подражаніемъ національному миѳу; оно также любопытно, особенно въ отношеніи къ нынѣшней Руси. По греческому миѳу, начало Скиѳовъ ставится позднѣе вышесказаннаго полуторымъ вѣкомъ, точнѣе: 154 годами. Родоначальникъ Скиѳовъ не Зевесъ, а *сынъ* Зевеса— Геркулесъ (Ираклій и Алкидъ тожъ)! Онъ родился, по выкладкѣ хронологической, 1384 года до Р. Х. Со стадомъ Геріона прибылъ онъ въ Скиѳію, т. е. въ землю, названную

такъ впослѣдствіи. Застигнутый непогодою и прозябшій на русскомъ морозѣ, онъ остановился, выпрягъ коней, закутался въ свою львиную шкуру и заснулъ богатырскимъ сномъ. Проснувшись и не нашедъ своихъ коней у колесницы, пустился искать по нашимъ пустыннымъ степямъ. Наконецъ видитъ онъ, у входа въ пещеру, странное существо — нѣчто въ родѣ Русалки — *Сирену* — однимъ словомъ, такое существо, какое мы всѣ можемъ видѣть въ началѣ Гораціевой эпистолѣ къ Пизонамъ, о поэзіи: Desinit in piscem mulier formosa superne (прекрасная сверху женщина оканчивается рыбою)! Разумѣется, Днѣпровская Русалка для *насъ* милѣе: она и полная женщина и *дочь* Днѣпра! Но Сирена греческаго миѳа есть болѣе точный и замысловатый символъ дикой, прекрасной, способной ко всякому устройству страны, еще не досозданной до Государства. Геркулесъ спрашиваетъ у дикарки, не видала ли она искомыхъ коней? — «Они у меня — отвѣчаетъ она: я владычица этой страны! Коней своихъ можешь выкупить — лишь *самимъ собою*, т. е. ты долженъ быть моимъ супругомъ!» —

Геркулесъ согласился.

При разставаніи—нельзя же было Геркулесу вѣкъ вѣковать въ Скиѳіи — Сирена объявляетъ ему, что понесла отъ него тройней-сыновей, и испрашиваетъ его отцевскую волю, когда дѣти будутъ на возрастѣ. Геркулесъ оставляетъ у нея одинъ изъ своихъ двухъ богатырскихъ луковъ, отдаетъ ей и поясъ свой, на которомъ, у самой застежки, висѣлъ золотой кубокъ, и приказываетъ, чтобы тотъ изъ сыновей его, кто натянетъ этотъ лукъ, получилъ въ подарокъ и поясъ съ золотымъ кубкомъ, и остался бы при матери и владѣльцемъ всей страны — а обоихъ братьевъ его выслать въ чужія земли. — Старшіе оба оказались малосильными; младшій же, именемъ Скиѳъ, или Скиѳесъ, исполнилъ завѣтъ отца и сдѣлался родоначальникомъ Скиѳовъ, которые, въ память прародительскаго пояса, еще во времена Геродота, носили всѣ, у своего пояса, кубокъ.

Тѣ же *три* брата, какъ и въ скиѳскомъ преданіи, и также *младшему* достается Скиѳія! Но великая разница въ первоначальныхъ символахъ: вмѣсто земледѣльческихъ орудій и топора, мы видимъ *оружіе*, требующее бо-

гатырской силы. Греческій миѳъ взялся, вѣроятно, изъ того, что Скиѳы, дотолѣ лишь земледѣльцы и отличные плотники, оказались Ираклидами—дѣтьми Геркулеса, непобѣдимыми воинами — когда случайно затѣяли набѣгъ на малую Азію и завоевали Мидію. Не безъ причины же, греческое преданіе оказало Скиѳамъ такой почетъ: происхожденіе отъ Ираклія считалось, по понятіямъ Грековъ, высшею родовою сановитостью. И сколько было провозвѣстительной истины въ этомъ греческомъ миѳѣ: развѣ Русскіе не доказываютъ и нынѣ каждою кампаніею, что они истинные *Ираклиды?* — Согласитесь, что наша *скиѳская* охота ни чуть не хуже славянской! Впереди будетъ лучше!

Но кто онъ такой—этотъ Геркулесъ, Ираклій, Алкидъ? Геродотъ, путешествуя по Египту, узналъ отъ тамошнихъ жрецовъ, что Египетскій Геркулесъ—одинъ изъ двѣнадцати боговъ, царствовавшихъ въ Египтѣ за семнадцать тысячелѣтій до Амасиса — и греческій *Иросъ* (ἥρως)—полубогъ сего имени, суть два совершенно различные другъ отъ друга субъэкта, на огромнѣйшемъ другъ отъ друга раз-

стояніи времени, и между собою неимѣющіе ничего общаго. Поэтому нашъ скиѳскій пращуръ — чистый уроженецъ Греціи! Всѣмъ извѣстенъ этотъ великолѣпный миѳъ, съ которымъ, по глубокой значительности, стоитъ наровнѣ только миѳъ о Психеи (Душенькѣ). Но что̀ историческаго въ этомъ дивномъ миѳѣ? Это объясняетъ намъ Діонисій Галикарнасскій, повѣствуя въ первой книгѣ своей «Первобытной Исторіи Римлянъ» (§ 41), что, по общепринятому мнѣнію тѣхъ, кто облекъ въ историческую форму дѣянія Ираклія, этотъ иросъ былъ величайшій полководецъ своего времени, предводитель огромной рати. Онъ проходилъ всѣ земли по сю сторону океана; вездѣ разрушалъ разбойничьи притоны, устроивалъ законныя Государства и благоразумный образъ Правленія: закладывалъ города въ пустыняхъ, отводилъ рѣки, наводнявшія луга́ — однимъ словомъ: дѣйствовалъ всюду неутомимо въ пользу и для гражданскаго устройства всего человѣчества. Легко понять, что огромный предметъ существенный — величайшій мужъ-полководецъ, какой нибудь доисторическій Александръ Македонскій, или Наполеонъ —

долженъ лежать въ основаніи такого миѳа, каковъ Ираклійскій, т. е. такого *идеала-человѣка*, чья жизнь есть безпрерывная цѣпь трудовъ и чрезвычайныхъ проявленій силы, и который своимъ неуклонным мужествомъ побѣждаетъ все и заслуживаетъ мѣсто между богами. Какъ же не лестно быть Ираклидомъ— потомкомъ чудо-богатыря, унимальщика всякаго варварства и душегубства, устроителя благодѣтельнаго порядка гражданскаго въ мірѣ? Какъ же и здѣсь не признать провозвѣстительной истины греческаго преданія о началѣ Скиѳіи.

Эту великолѣпную добычу наша скиѳская охота смѣло противопоставляетъ трофеямъ витязей-филологовъ; но такъ какъ соперничество, состязаніе, по сему предмету, о пользахъ и интерессахъ отечественныхъ, съ нашей стороны, самое доброжелательное — мы сами укажемъ Г.г. филологамъ на добычу въ ихъ отъѣзжихъ поляхъ, ими, сколько намъ извѣстно, еще не замѣченную — на добычу, которая достойно увѣнчаетъ ихъ прекрасные успѣхи охотничьи. Тотъ же — вышеупомянутый—Діонисій Галикарнасскій, повѣтствуетъ еще (Кн: I § 43),

что у Геркулеса находилась аманаткою — сирѣчь *талью* — дочь Царя Гиперборейскаго. Въ благоговѣніи къ ней, Геркулесъ оказывался самымъ добросовѣстнымъ рыцаремъ Среднихъ вѣковъ. Напослѣдокъ, на переходѣ въ Италію, онъ влюбился въ гиперборейскую Царевну, женился на ней и прижилъ съ нею Царя Латина. Дочь этого Латина вышла замужъ за Энея... стало быть, по женскому поколѣнію, *Римляне*, эти высиренніе герои древности, эти обладатели міра—подумайте! *Римляне суть потомки сыновъ Радегаста и Сивы* т. е. *Славяне*, ибо Гипербореи, безъ сомнѣнія, принадлежали къ этому роду.

Кстати, еще два слова о Геркулесѣ:

Около полутора вѣка послѣ Діонисія, во времена Ирода-Аттика и Лукіана, природѣ Эллинской захотѣлось *осуществить* свой миѳъ о Геркулесѣ—въ великанѣ *Сострать*! Лукіанъ, знавшій его лично, написалъ его біографію, но она до насъ не дошла. Въ началѣ «Демонакса», того же автора, упоминается объ этомъ великанѣ; да еще Филостратъ, въ біографіи Ирода-Аттика, приводитъ остатокъ письма сего послѣдняго о свиданіи его съ великаномъ. Изо всего

этого мы узнаемъ, что Состратъ былъ великанъ въ *восемь* футовъ, силачъ неимовѣрный, велъ дикую жизнь на Парнассѣ, истребляя разбойниковъ и побѣждая лютыхъ звѣрей, шкурою которыхъ онъ одѣвался; съѣдалъ, въ одинъ обѣдъ, по *десяти мѣръ* (хениксовъ) ячневой каши и проч: но былъ кротокъ и добръ съ людьми. Народъ любилъ его, прозвалъ Агаѳіономъ и вѣрилъ, что онъ Геркулесъ, вторично пришедшій въ свою прекрасную Грецію. Самому Ироду-Аттику—герою учености—сказалась за обѣдомъ, по странному чутью великана, высшая природа его (демоніа фѵсисъ)!

§ III.

Есть еще *третье*—всего чудеснаго обнаженное—преданіе, которое болѣе двухъ первыхъ, далось Эллинскому Историку; оно гласитъ, что Скиѳы, около 635 лѣтъ до Р. Х., пришли изъ-за Волги (у Геротода называемой Араксомъ), проникли въ нынѣшнія губерніи Херсонскую и Екатеринославскую, спугнули Киммеріанъ, утвердились въ пространствѣ между Дономъ и Дунаемъ — и прежняя Киммерія была названа Скиѳіею. Такъ *первые*, упоминаемые Исторіею,

обитатели южной Россіи — были Киммеріане! По этому, мы бы смѣло присвоили ихъ нашему Отечеству, признали бъ ихъ за родичей, братаничей, или внутчатныхъ братьевъ Скиѳамъ, племени заволжской Россіи; но, къ сожалѣнію, есть противное тому доказательство психологическое, важнѣйшее изо всѣхъ эмпирическихъ доказательствъ, за неимѣніемъ аподиктическаго: Киммеріане, въ скиѳское нашествіе, вели себя дурно, вовсе не порусски—и тѣмъ доказали, что они (по крайней мѣрѣ, половина изъ нихъ) пришельцы — можетъ статься — съ горъ Тибетскихъ, или изъ недовѣдомой глуби Азіатскухъ пустынь.

Киммерійское вѣче рѣшило уступить Скиѳамъ *безъ боя*, бѣжать изъ Отечества. Атаманы же, воздымаясь противъ малодушнаго рѣшенія вѣча, вопіяли, что лучше умереть въ битвѣ, чѣмъ такъ постыдно покинуть отчизну... на томъ и рѣчь свою ставили—и велѣли кликнуть кличъ на повольниковъ: доказывать, какъ отстаиваютъ *мужи* свои родныя пепелища!.. Молодцы Атаманы! Или они, подъ русскимъ небомъ, напитались русскимъ духомъ, или они были родныя дѣти Россіи! Киммеріане раздѣлились на двѣ пар-

тіи, на атаманскую и на вѣчевую—схватились между собою... и, послѣ этой кровопролитной усобицы, дѣлать было уже нечего, какъ только похоронить своихъ мертвыхъ и убраться, куда ноги понесутъ. Ничто не препятствуетъ намъ вообразить, что эти мужественные Атаманы, желая остаться подъ роднымъ небомъ, отошли къ Таврамъ, исконнымъ обитателямъ Крымскаго полуострова.

Повѣтствуютъ, что Киммеріане удалились частью на Западъ Европы, частью въ Малую Азію. Все это можетъ быть; но отнюдь не вѣроподобна *причина* вторженія Скиѳовъ въ Малую Азію: будто бы они, горячо слѣдя спасающихся туда Киммеріанъ, сбились съ прямаго пути черезъ Кольхиду, дали *влѣво* такой огромный крюкъ, что обогнули Кавказъ и натекли на Мидію. Во первыхъ, это была бы такая слѣпая натечка, къ которой неспособны и неразумныя животныя — выжлики! Во вторыхъ, Скиѳамъ нечего было преслѣдовать тѣхъ, кто имъ безъ боя уступилъ чего они хотѣли, и убрался заблаговременно. Гораздо вѣроятнѣе, какъ мы увидимъ ниже, что Скиѳы, за долго до похода въ Мидію, жили въ уступленныхъ

имъ мѣстахъ и тамъ пріурочились такъ, что, отправляясь въ Азіатскій походъ, оставили въ Скиѳіи все свое имущество: женъ и рабовъ, и стада! Надобно думать, что какая-нибудь орда Массагетская, или другая азіатская, изъ окрестностей Каспійскаго моря, нагрянула на Скиѳію, была поражена въ исполинскомъ побоищѣ, подобномъ Куликовскому—и только стремительное чувство *мести*, свойственное дикимъ племенамъ, могло столь далеко отвлечь отъ родныхъ пепелищъ упорное преслѣдованіе побѣжденнаго врага, т. е. до береговъ и вдоль Каспійскаго моря, до южной оконечности его. Потерявъ врага изъ виду—положимъ—въ нынѣшней Эриванской области, Скиѳы очутились въ благорастворенномъ климатѣ, въ странѣ воздѣланной и богатой: вотъ что́, вѣроятно, возбудило охоту углубиться въ Азію, завоевать прекрасную страну.

Какая бы ни была причина этой экспедиціи, Скиѳы на походѣ и уже отошли далече: Кавказъ у нихъ по правую руку... они идутъ на Мидію. Поспѣшимъ впередъ, чтобы поразвѣдать, *до* прибытія нашихъ соотечественниковъ, что̀ это за Мидія? Каковъ-то народъ, съ ко-

торымъ смѣлые пришельцы будутъ имѣть дѣло?

Въ продолженіе пяти вѣковъ, всѣ народы верхней Азіи были подвластны Ассиріанамъ. Мидяне, первые, отъ нихъ отложились, за 748 лѣтъ до Р. Х., въ 1-мъ году осьмой Олимпіады, въ шестомъ году Рима. Въ слѣдующемъ году отложились Вавилоняне; вслѣдъ за тѣмъ и другіе народы. Мидяне, въ своей народной независимости, не имѣли надлежащаго правительства; каждый посадъ состоялъ отдѣльно подъ вѣдомствомъ судьи — и произволъ судьи былъ закономъ. Лѣтъ сорокъ перебившись такимъ образомъ, они, для прекращенія народныхъ бѣдствій, учредили у себя Единодержавіе и выбрали въ Царя Деіока. Онъ построилъ знаменитую Экбатану и этотъ дивный Кремль, съ семью концентрическими каменными оградами, возвышавшимися, на мѣру стѣнныхъ зубцевъ, одна надъ другою; въ самой внутренней—въ седьмой — оградѣ былъ Царскій дворецъ, съ казною. Въ 53-лѣтнее царствованіе свое устроивъ государство на твердыхъ началахъ, Деіокъ кончиною своею передалъ престолъ сыну своему Фраорту, который покорилъ Персовъ и другіе смежные народы; захотѣлъ покорить и

Ассиріанъ, но погибъ въ этомъ походѣ, царствовавъ 22 года. Сынъ-наслѣдникъ его, Ціаксаръ, былъ еще воинственнѣе отца; завелъ въ войскѣ строевой порядокъ — чего не было дотолѣ ни у одного азіатскаго народа, за исключеніемъ Еврейскаго; собралъ всѣ свои ратныя силы, чтобъ отомстить за погибель отца; разбилъ на-голову Ассиріанъ; уже началъ осаждать столицу ихъ, Нинивію — какъ вдругъ перепала почти невѣроятная вѣсть о нашествіи Скиѳовъ на Мидію.

Стало быть, огромное благоустроенное, издавна къ войнѣ привычное воинство съ державнымъ Главнокомандующимъ—властителемъ великой части Азіи—изъ-подъ стѣнъ Нинивіи воздвиглось на встрѣчу Скиѳамъ! Страшно за нихъ: они поставили себя въ такое положеніе, въ какое, впослѣдствіи, Аннибалъ умышленно привелъ свою рать, оставляя за собою почти непроходимыя горы—т. е. въ такое положеніе, что единственнымъ спасеніемъ будетъ только побѣда — и побѣда полная! Войско Скиѳовъ, конечно, иррегулярное, но и ими предводительствуетъ *Царь* ихъ, *Мадіасъ*—и свѣжее природное богатырство Сѣвера рѣшается на отчаянную

сшибку съ благоустроенною силою роскошной и утонченной Азіи!...

Скиѳы одержали блистательную побѣду, разбили въ пухъ Мидянъ, *такъ*, что воинственный Ціаксаръ не дерзнулъ перевѣдаться вторично съ сѣверными богатырями, покорился имъ безусловно — и они стали хозяйничать въ обширныхъ владѣніяхъ его. Мало того: Скиѳы, вскусивъ сладость побѣды и завоеваній, и — что̀ всего важнѣе — сознавъ свою силу, захотѣли покорить и Египетъ. Они уже вторглись въ Сирійскую Палестину; но тамъ египетскій Царь Псаммитихъ встрѣтилъ ихъ съ ласкою, съ покорностью, съ подарками и съ хлѣбомъ-солью, умоляя ихъ нейдти далѣе, не разорять Египта. Скиѳы умилостивились, отказались отъ своего намѣренія, обратились въ Іудею, взяли Аскалонъ и вышли изъ Сиріи, не причинивъ ей никакого вреда (только храмъ Венеры-Ураніи былъ разграбленъ однимъ изъ затыльныхъ отрядовъ скиѳскихъ), и возвратились въ свои мидійскія владѣнія, къ своему голдовнику Ціаксару.

Здѣсь нельзя не пріостановиться, чтобъ оглянуться на міровой воинскій подвигъ нашихъ Волжанъ и обитателей южной Россіи. Поду-

майте! въ такое время, когда Грецiя еще не справляла громкаго ратнаго дѣла, когда Римъ былъ еще незначительнымъ въ Исторiи посадомъ, въ полубаснословный перiодъ своихъ Царей — сыны Россiи совершили такую блистательную экспедицiю, въ другой части свѣта: по этому, историческое *старшинство* въ ратныхъ подвигахъ, передъ Грецiею и Римомъ— этими свѣтлѣйшими народами древности—безспорно принадлежитъ *сынамъ Россiи!*

Такое историческое старшинство, право, не безделица: оно, надъ до-историческимъ туманомъ, покрывавшимъ тогда все отечество наше, являетъ фантастическiй сонмъ геройскихъ óбразовъ... Они не то, что туманные образы Оссiановскiе! Они—елисейскiя тѣни витязей, дѣйствительно существовавшихъ... вѣрное ихъ отраженiе изъ безвѣстныхъ могилъ и съ земнаго поприща, не освѣщеннаго ни поэзiею, ни Исторiею — богатырскiя тѣни, требующiя законно—*былью со правдою*, своего геройскаго старшинства передъ витязями Грецiи и Рима!

Вы, можетъ быть, поспорите за Грецiю и, преходя молчанiемъ такiя междоусобицы, каковы Ѳивская и двѣ первыя Мессинiйскiя вой-

ны, назовете войну Троянскую? Въ основаніи этого вѣковаго слуха лежитъ, безъ сомнѣнія, какой-нибудь фактъ историческій; но онъ утопаетъ въ морѣ миѳа и блеститъ только по милости поэзіи; въ дѣйствительности же, если и допустить его сполна, онъ очень маловаженъ. Соображая средства, какими онъ исполнялся (соединенныя силы всея Греціи), нельзя не видѣть, что онъ незначительнѣе подобнаго же и также десятилѣтняго осажденія и взятія Веій—однѣми силами юнаго, еще слабаго Рима. А герои греческіе передъ Иліономъ — такіе же абстракты, какъ и боги Иліады! Что̀ ни говорите—старшинство по ратному героизму, передъ Греціею и Римомъ, остается за сынами Россіи, ради грандіозности экспедиціи! Изъ нынѣшней Бессарабіи, съ береговъ и устій Тираса, Гипаниса и Борисѳена (Днѣстра, Буга и Днѣпра) ратный походъ до Каспія; оттолѣ нашествіе на Мидію, побѣда надъ Ціаксаромъ; проникновеніе въ Сирійскую Палестину, взятіе Аскалона, завоеваніе всей этой части Азіи и *двадцати-осьмилѣтнее* надъ нею владычество (право, эта чета походу отъ Москвы до Парижа)... все это—несомнѣнный фактъ истори-

ческій, допускаемый дѣеписателями *враждебной* стороны, съ которыми справлялся добросовѣстный Геродотъ, и безъ которыхъ этотъ великолѣпный подвигъ Скиѳовъ былъ бы потерянъ для потомства! Что́ значитъ, передъ подобнымъ ратнымъ дѣломъ — война Троянская!—Въ отношеніи къ сомнительности этой войны, вспомнимъ, что старѣйшій Историкъ Грековъ, Геродотъ, будучи въ Египтѣ, спрашивалъ Іерофантовъ: есть ли что́ историческаго въ этомъ преданіи, или это—чистый миѳъ?

Поелику общая слава побѣдоноснаго воинства сосредоточивается на предводителѣ его и въ немъ, такъ сказать, олицетворяется—что́ же скажемъ мы о своемъ скиѳскомъ Царѣ Мадіасѣ? Мы скажемъ, безъ обиняковъ, что лѣтъ за *триста* до знаменитаго сына Филиппова, наши Скиѳы имѣли своего Александра Великаго! Мадіасъ побѣдилъ тѣхъ же Персовъ—огромное, благоустроенное воинственное государство (какъ мы видѣли), предводительствуя нестройною ордою; Александръ, напротивъ, имѣлъ *Македонскую фалангу*! А кромѣ того, превосходство Эллиновъ надъ Персами— до Александра— было уже дознано *трижды* самымъ убѣдитель-

нымъ образомъ: двумя кампаніями Персовъ въ Греціи и знаменитымъ «Отступленіемъ Десяти тысячъ» Эллиновъ изъ-подъ стѣнъ Вавилона. Александръ долженъ былъ *тремя* капитальными побѣдами пріобрѣтать *то*, что Мадіасъ завоевалъ *однимъ* побоищемъ: владычество надъ этою частью Азіи — а Ціаксаръ, какъ мужъ битвы, выше противника Александрова. Вся разница между Мадіасомъ и Александромъ, какъ богатырями, приводится къ тому постороннему, для личности обоихъ ничтожному обстоятельству, что первый не имѣлъ Историка, и что враждебные Скиѳамъ писатели—Персы передали намъ только голый фактъ историческій, лишенный всѣхъ занимательныхъ подробностей.

Что́ вы думаете! Если бы, во времена Александра Великаго, еще не было Исторіи, то какой бы о немъ гулъ глухой дошелъ до насъ? Напримѣръ, слѣдующій: «Былъ юный Царь Македонскій, завоевалъ тремя побѣдами царство Персовъ и углубился въ Азію. Былъ сначала трезвъ и добръ, но вскорѣ развратился, кололъ и казнилъ собственноручно своихъ друзей и слугъ, вообразилъ себя сыномъ Зевесовымъ, *спился* и скончался въ молодыя лѣта!»—

Вотъ также голый фактъ историческій, лишенный всѣхъ занимательныхъ подробностей! Узнали ли бъ вы, по этому глухому гулу, *Александра Великаго*, который, до своего развращенія, являлъ такой возвышенный образъ мыслей, столько геніальныхъ чертъ благодушія? Никакъ нѣтъ! Вы сказали бы: это подобіе Аттилы, Чингисхана, Тамерлана!

Всѣмъ извѣстенъ благородный поступокъ Александра Великаго съ однимъ индійскимъ Царемъ—Таксиломъ—царство котораго, между Индомъ и Гидаспомъ, древніе писатели уподобляютъ Египту, какъ по величинѣ, такъ и по плодородію. Ничто не препятствуетъ намъ вообразить, въ скиѳскомъ Царѣ Мадіасѣ, такое же благодушіе, въ отношеніи къ египетскому Царю Псаммитиху, когда Мадіасъ добровольно отказался отъ легкаго, прельстительнаго завоеванія. Мы не только можемъ, но и *должны* полагать, что Псаммитихъ, ласково встрѣчая скиѳскаго Царя, также говорилъ ему съ благородною простотою: «Для чего воевать намъ между собою, если только ты не пришелъ отнять у насъ *воду* и нужнѣйшее для существованія человѣка: *одно* это заставитъ

людей перевѣдываться силами! Что̀ же касается до имущества и сокровищъ, если я ими богаче, нежели ты, то охотно съ тобою подѣлюсь. Если же окажется, что я ими беднѣе, чѣмъ ты, то нисколько не постыжусь воспользоваться твоими щедротами, и подарки твои пріиму съ душевною признательностью!» — И Мадіасъ, тронутый, какъ и Александръ, такою возвышенною простотою нрава—вразумительнѣйшею для дикаря, простаго сына природы—также обнялъ египетскаго Царя и сказалъ: «Думаешь ли ты, что умная рѣчь твоя отстранила причину борьбы? Все-таки приходится намъ бороться—когда не оружіемъ, такъ подарками! Царь Скиѳовъ, доказавъ, какъ онъ силенъ въ оружіи, не стерпитъ, чтобы ты побѣдилъ его въ благодушіи!»

Нѣчто подобное случилось непремѣнно между Царями скиѳскимъ и египетскимъ, когда первый, убѣжденный рѣчію втораго, не пошелъ далѣе. Поэтому, и въ дѣлѣ благодушія, нельзя не допустить тождества между Мадіасомъ и Александромъ; а допустивъ, какъ же не воображать, по грандіозности скиѳскаго похода въ Азію, при такой чертѣ Царскаго благоду-

шія, что онъ сопровождался вводными частями и эпизодами самыми занимательными? Этотъ скиѳскій походъ — богатѣйшій и достойнѣйшій предметъ для *русской* Иліады. Она такъ легка, такъ возможна; не достаетъ только безделицы: русскаго Гомера! Но если у насъ нѣтъ Гомера,—есть, по крайней мѣрѣ, *Гомериды* — тѣ почтенные филологи, успѣхамъ которыхъ мы завидовали въ избранныхъ ими отъѣзжихъ поляхъ! Они — быть можетъ и сами того не зная — поэты эпическіе, одаренные могучимъ, блистательнымъ воображеніемъ, неистощимымъ даромъ творчества, при глубокомъ, ученомъ всевѣдѣніи! *Имъ* преимущественно подобаетъ облечь этотъ голый, но величественный фактъ историческій во всѣ прелести жизни и поэзіи; воплотить въ живые образы елисейскія тѣни нашихъ скиѳскихъ богатырей, парящія — какъ мы уже сказали—надъ доисторическимъ туманомъ, въ нашемъ Отечествѣ!

Мы указали вамъ на скиѳскаго Александра; но онъ еще *не тотъ человѣкъ*, которымъ взялись мы замѣнить и перещеголять милліоны средневѣковыхъ варваровъ, вербуемыхъ въ наши единоплеменники — и тому человѣку еще

не очередь: мужество, воинская храбрость есть первобытное необходимѣйшее условіе не только основанія, но и дальнѣйшей вожделѣнной прочности бытія государственнаго — и потому радуемся, что, на своемъ скиѳскомъ отъѣзжемъ полѣ, прежде всего нашли мы блистательнаго мужа битвы — богатыря Мадіаса — *нашего* перваго историческаго Ираклида, въ оправданіе вышеприведеннаго миѳа черноморскихъ Грековъ.

Мы уже упомянули о томъ, что Скиѳы двадцать восемь лѣтъ удержали за собою господство надъ обширными владѣніями Ціаксара, т. е. *столько* времени, *сколько* пробыли они въ Азіи. По какому же поводу прекратилось ихъ владычество, или пребываніе въ Мидіи? Геродотъ, черпая изъ *персидскихъ* источниковъ, разсказываетъ, что Ціаксаръ и его царедворцы созвали къ себѣ на пиръ *бо́льшую часть Скиѳовъ* (?), напоили ихъ виномъ и перерѣзали, и что остальные Скиѳы ушли во свояси. Хотя такое вѣроломство совершенно въ характерѣ Азіатцевъ—вспомните гнусный поступокъ Персовъ съ эллинскими военачальниками, на Отступленіи Десяти Тысячъ—но, въ предлежа-

щемъ случаѣ, оно чрезвычайно неправдоподобно. Скиѳы, сумѣвъ, въ продолженіе 28-ми лѣтъ, держать Мидянъ въ повиновеніи, конечно не были такими безразсудными грабителями и пьяницами, какими представлялись въ персидскихъ писаніяхъ; Скиѳы, безъ сомнѣнія, вызнали во столько времени своихъ восточныхъ подданныхъ и не вдались въ такой обманъ. А еслибъ и вдались, еслибы такимъ образомъ погибла *бóльшая часть* изъ нихъ — въ томъ числѣ, конечно, и вся *знать*, званая на пиръ, то какъ же могли бы спастись остальные? Разгоряченные Мидяне перебили бъ ихъ по одиначкѣ... ни одинъ не вышелъ бы изъ Мидіи! А мы сейчасъ увидимъ, что Скиѳы, не получавшіе, вѣроятно, новобранцевъ въ эти 28 лѣтъ, все-таки еще, въ значительныхъ силахъ и безпрепятственно, вышли изъ Мидіи и встрѣтили затрудненіе только при вступленіи въ свою Скиѳію. Какъ персидскіе писатели, изъ ненависти къ побѣдительнымъ Скиѳамъ, начертали намъ только голый оставъ ихъ славнаго похода до Сирійской Палестины: такъ эти же писатели, по чувству оскорбленнаго самолюбія народнаго и стыда, что они подпали власти

дикаго народа, потѣшили себя *сказкою* объ истребленіи Скиѳовъ, не гнушаясь хвастать такимъ подлымъ вѣроломствомъ.

Гораздо вѣроятнѣе, что Скиѳы, насытясь роскошною Азіею и мидійскимъ образомъ жизни; боясь изнѣжиться, подобно Мидянамъ; соскучившись по своей родной Скиѳіи; видя значительное уменьшеніе войска, за недостаткомъ новобранцевъ и, можетъ быть, получивъ извѣстіе, что *домашнія* дѣла ихъ въ нѣкоторомъ разстройствѣ — какъ и было дѣйствительно — положили въ общемъ совѣтѣ: вернуться въ Скиѳію! объявили Мидянамъ, что возвращаютъ имъ независимость отъ чуждой власти; простились дружелюбно съ ними, взяли у нихъ прощальные дары и проводниковъ, и прямымъ путемъ черезъ Кольхиду потянулись къ проливу Киммерійскому (таврическому). Въ подтвержденіе этой вѣроятности, приведемъ слѣдующій, очень важный для насъ, фактъ историческій: по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, вслѣдствіе какого-то мятежа, явился въ Мидію отрядъ Скиѳовъ (вѣроятно, бѣглецы Орды Царской) — и тотъ же Ціаксаръ принялъ ихъ ласково и возъимѣлъ такое къ нимъ довѣріе, что отдалъ имъ

на воспитаніе дѣтей мидійскихъ, для обученія языку скиѳскому и стрѣльбѣ изъ лука. Не *явно* ли, что завоеватели Мидіи оставили добрую по себѣ память? что они не были выгнаны, а ушли добровольно?

Скиѳы идутъ домой: поспѣшимъ же опять впередъ и узнаемъ, какое у нихъ разстройство домашнихъ дѣлъ.

А вотъ какое! Скиѳы, пустившись въ походъ, можетъ быть на *нѣсколько мѣсяцевъ*, остались за горами *двадцать восемь лѣтъ*! Жены скиѳскія, прождавъ своихъ мужей понапрасну *годъ*, другой, третій—сочли ихъ пропавшими безъ вѣсти, поплакали—вышли замужъ за своихъ рабовъ и прижили съ ними новое поколѣніе Скиѳовъ, уже достигшее совершеннолѣтія. Когда пришла вѣсть, что прежніе мужья возвращаются изъ Мидіи, матери перепугались и, конечно, не безъ женскихъ воплей, объявили своимъ рабичищамъ, какая горькая *имъ*—сыновьямъ рабовъ — предстоитъ участь, т. е. что ихъ зачислятъ въ рабы и *лишатъ зрѣнія*, по обычаю скиѳскому! Молодымъ скиѳскимъ гладышамъ, конечно, не понравилось, что имъ глаза выколютъ къ такія лѣта, когда бѣлый

свѣтъ такъ милъ — и они рѣшили: выступить въ поле противъ своихъ отчимовъ и силу отражать силою. Выступили, встрѣтили на границѣ возвращающихся витязей Азіатскихъ и дали битву, не имѣвшую рѣшительнаго исхода и долженствовавшую продолжаться на другой день. Но одному изъ старыхъ Скиѳовъ пришла мысль геніальная... «Братья! что́ мы дѣлаемъ? Мы затѣяли предпріятіе, для насъ всячески невыгодное, даже при лучшемъ успѣхѣ: побивая своихъ рабовъ, мы въ нихъ лишаемъ себя своего имущества! Послушайтесь моего совѣта: выступимъ заутро противъ нихъ безъ всякаго оружія, съ одними *арапниками*! Покуда они видятъ насъ съ оружіемъ противъ строя своего, они и считаютъ себя *равными* намъ; а какъ увидятъ насъ съ одними арапниками, такъ и вспомнятъ, что мы имъ *господа*—и сражаться не посмѣютъ! «Этотъ совѣтъ былъ всѣми одобренъ и, въ исполненіи, оказался превосходнымъ: рабычищи испугались знаменія господства—и побѣжали въ таборъ, подъ покровительство матерей!

Подобный проблескъ здраваго ума—эта находчивость и знаніе: *гдѣ какими* средствами

дѣйствовать—убѣдитъ несравненно болѣе, нежели глухой отзывъ *арабскаго* писателя о Варенгахъ, яко бы Франкахъ (что́ служитъ *однимъ* изъ трофеевъ нашихъ витязей-филологовъ!) ибо одни лишь темные, невѣрные слухи о дикихъ въ Средней Европѣ племенахъ могли доходить до Арабовъ, разумѣвшихъ, подъ именемъ «Варанга», конечно не иное что, какъ «вольнаго казака,» въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. будь себѣ хоть Гренландецъ! Геніальность же приведенной нами скиѳской мысли, эмпирическая истина ея, въ пользу нашей охоты (ссылаюсь на добросовѣстность святорусскую)—вразумительнѣйшимъ образомъ сказывается въ томъ, что человѣкъ темный, но, по природѣ своей, способный къ развиванію всего превосходнаго, уразумѣлъ *силу символа* надъ душею человѣческою! Римъ былъ основанъ своимъ законодателемъ на полетическомъ благоразуміи: потому-то народъ, недовольный тѣмъ, что Плебей трудится болѣе, чѣмъ Патрицій, убѣдился тотчасъ извѣстною ловкою притчею Мененія-Агриппы. Скиѳъ законно господствовалъ надъ своимъ рабомъ, т. е. военноплѣннымъ (*другихъ* рабовъ, вѣроятно,

и у нихъ не было): скиѳскіе гладыши должны были думать, что тѣ, кто съ ними вѣдается оружіемъ, признаютъ ихъ *равными* себѣ *воинами*; символъ же естественнаго господства — единственный у дикихъ племенъ возможный—оказалъ тотчасъ свою силу надъ совѣстью слуги. —

Вы, конечно, интересуетесь дальнѣйшею судьбою нашихъ гладышей, страшась за ихъ очи? Исторія безмолствуетъ, но правдоподобіе гласитъ, что матери — естественныя посредницы въ дѣлѣ семейномъ—упросили своихъ старыхъ мужей, отчасти уже угомоненныхъ знаменіемъ благоговѣнія къ символу господства; да и благоразуміе, свойственное Скиѳамъ, не допустило бы выколоть глаза цѣлому поколѣнію, обременить себя такимъ излишествомъ *слѣпыхъ* рабовъ, когда истощенному въ Азіи войску всего нужнѣе были *зрящіе*, *храбрые* исвобранцы, какими оказались рабичищи, при встрѣчѣ съ отчимами. Замѣтимъ еще, что не было и той причины, по которой, вѣроятно, Скиѳы кололи глаза рабамъ: чтобы военноплѣнные не бѣжали! Дѣтямъ Скиѳскихъ матерей куда бѣжать изъ роднаго табора? Будемъ думать — и это

очень естественно—что съ тѣхъ поръ началъ отмѣняться этотъ жестокій обычай: Скиѳы вызнали, по служенію своихъ пасынковъ, что зрящій слуга полезнѣе слѣпаго.

§ IV.

Давно замѣчено и иностранными писателями, что все полезное, все блистательное въ нашемъ Отечествѣ исходитъ отъ Высшаго Мѣста. Если Скиѳы, дѣйствительно,—старѣйшіе предки наши, то сія главная основная черта нашего отечественнаго генія должна была проявляться уже въ *таборѣ скиѳскомъ*! Нужнѣйшее для начинающаго народа: мужа битвы, проявителя народной силы въ оружіи — скиѳскаго Александра Великаго—мы, да еще за три вѣка до греческаго, какъ выше сказано, имѣли въ лицѣ *скиѳскаго Царя*! Послѣ мужа битвы всего утѣшительнѣе проявленіе, въ народѣ, *чистаго человѣка*, т. е. мужа добродѣтели, мудрости, человѣколюбія, людскости—однимъ словомъ: *жреца* души человѣческой, радѣющаго наиболѣе о вящшемъ ублаженіи и прославленіи ея. Не будетъ ли истиннымъ чудомъ, если мы, за *шесть вѣковъ* до Рожд. Христова,

найдемъ и *этого* чистаго, возвышеннаго человѣка — въ таборѣ *скиѳскомъ*, и опять въ *домѣ Царскомъ?..*

Разумѣется, найдемъ! Но чтобы, нашедши, оцѣнить его повѣрнѣе, мы сперва должны навѣдаться о томъ, что̀ было и *чѣмъ* могло быть, въ означенный періодъ, сіе чистое человѣколѣніе! Въ какой землѣ, у какой націи было царство его?—Въ небольшой земелькѣ, у народа, опередившаго всѣ прочіе народы просвѣщеніемъ—и потому земелька *та* была блистательною вершиною человѣчества, котораго подгоріе покрывалось мракомъ — и этотъ пламенникъ съ Юго-Запада, изъ-за Чернаго Моря струившій свои лучи по степямъ дальней, темной Скиѳіи, отсвѣчивается на душѣ царственнаго *отрока*—или много: *юноты* (эфивосъ) т. е. 16-ти лѣтняго юноши! Такъ сядемъ на кораблик, пустимся внизъ по Днѣпру или Дону, переплывемъ Черное Море — и причалимъ къ берегу Греціи!

Миновался вѣкъ ея героическій—да и дѣлать было нечего, въ Греціи, Геркулесамъ, Тезеямъ — иросамъ и богатырямъ, когда Греція давно уже не страдала отъ разбойниковъ, ка-

кими были Термеръ, Перифетъ, Синнисъ, Прокрустъ—и отъ чудовищъ, подобныхъ Немейскому Льву, Эримантскому Вепрю и Гидрѣ Лернейской. Гражданственность была въ полномъ развитіи. Поэзія, устами Орфея, Лина, Музея—потомъ Гезіода и Гомера — обогативъ и украсивъ эллинскую жизнь, утончивъ всячески и облагородивъ *чувственную душу* Эллина, впечатлительность его и воспріемлемость, вмѣстѣ съ тѣмъ приготовила и *другую* душу его — *духовную* (извѣстно, что у нихъ были эти *двѣ* души) къ принятію высшаго на свѣтѣ дара небеснаго — *мудрости*, т. е. провозвѣстницы нравственныхъ истинъ и правилъ житейскихъ. Греція находилась на той важной стадіи своего просвѣщенія, когда *поэзія*, дотолѣ единственная воспитательница ея, исправлявшая и обязанности религіи, исторіи и философіи, сложила съ себя эти постороннія для нея должности — и совершеннолѣтнюю питомицу свою предоставила *философіи*. Первоначальная философія должна быть практическая. Для удовлетворенія умственныхъ потребностей народа, явились въ немъ, своевременно и современно, извѣстные *семь мудрецовъ* греческихъ, изъ ко-

нихъ только одинъ, Θалесъ, былъ теоретикъ. Тонкое чувство эллинское поняло, что истинная, наиполезнѣйшая для людей мудрость познается по скромности своей, по смиренію. Слѣдующій анекдотъ превосходно выражаетъ какъ уваженіе Грековъ къ мудрости, такъ и смиренномудріе ея верховныхъ жрецовъ, по мнѣнію древнихъ:

Милетскіе гости, на островѣ Коосѣ, сторговали у тамошнихъ рыбаковъ—что̀ окажется у нихъ въ обхватѣ невода. Вмѣстѣ съ рыбою оказался и золотой треножникъ... древніе подобными жертвоприношеніями унимали бушующаго бога морей! Разумѣется, завязался споръ: рыбаки утверждали, что они продали одну *рыбу*, а не *золото*! Милетскіе гости возражали, что имъ принадлежитъ все, попавшее въ неводъ, такъ какъ въ условіи не было исключенія. Отъ частной распри, по этому предмету, дошло до областнаго спора между Милетомъ и Коосомъ, и уже снаряжались къ войнѣ; но обѣ стороны послушались умнаго совѣта: избрать третейскимъ судіею Аполлона, т. е., спросить Пиθію, кому богъ дельфійскій присудитъ спорный предметъ: рыбакамъ ли, или

гостямъ? Пиѳія отвѣчала, что богъ ея повелѣваетъ поднести этотъ треножникъ—*мудрѣйшему*! Обѣ стороны, безъ ропота, отказались отъ своихъ претензій, благоговѣя къ мудрости.

Мудрѣйшаго, конечно, надобно искать въ числѣ *семи* мудрецовъ; но кто изъ нихъ мудрѣйшій? Какъ рѣшить это—профаномъ-немудрецамъ! Такъ обратиться къ ближайшему, къ Ѳалесу, въ Милетѣ. Ѳалесъ не принялъ подарка, отзываясь, что Біасъ мудрѣе его. И Біасъ отказался, указывая на *третьяго* — мудрѣйшаго, чѣмъ онъ. Такимъ образомъ, треножникъ, отъ одного посылаемый къ другому, обошелъ всѣхъ семь мудрецовъ, остался безъ хозяина и долженствовалъ быть посвященъ Аполлону.

Событіе это увѣнчало міровую славу семи мудрецовъ: Помѣстныя общины эллинскія избираютъ себѣ изъ нихъ—*одна*: полновластнаго державца; *другая*—спасительнаго законодателя! И при дворахъ иностранныхъ Государей оказывали этимъ мудрецамъ великій почетъ. Два раза случилось имъ быть всѣмъ вмѣстѣ: однажды въ Дельфахъ; въ другой разъ въ Коринѳѣ, у Періандра, позвавшаго ихъ на *сим-*

посіонъ (банкетъ). Эти два собора составили эпоху въ народной жизни Эллиновъ.

Легко можетъ статься, что читатели наши, относительно золотаго треножника, не будутъ столь довѣрчивы, какъ были современники мудрецовъ, восхищавшіеся подобнымъ убѣдительнымъ доказательствомъ смиренномудрія. Охотно сознаемся, что для насъ — скептиковъ — доказателъсто сіе не имѣетъ, знаменія непреложности: одно *умѣніе жить,* приличіе, пріятельское знакомство съ другими мудрецами уже препятствовали Ѳалесу: принятіемъ подарка сознать себя всенародно *мудрѣйшимъ*; и когда *одинъ* изъ нихъ уже отклонилъ приношеніе, то другіе шесть подавно не могли поступить иначе! Изъ нихъ только *Солонъ,* аѳинянскій законодатель, хорошо извѣстенъ всѣмъ читателямъ; прочіе же не ознаменованы этою честью. Что̀ же намъ дѣлать? Мы сами добросовѣстно указали на слабую сторону *золотаго* доказательства смиренномудрія ихъ; а польза нашей скиѳской охоты вообще, и нашего царственнаго Скиѳа въ особенности (онъ скоро выйдетъ на сцену) требуетъ, чтобы вся седьмица мудрецовъ пользовалась благораспо-

ложеніемъ и достаточнымъ знакомствомъ читателей. Представлять имъ здѣсь нашихъ мудрецовъ по одиначкѣ — завлекло бы насъ далеко въ сторону; мы должны извоche изворотиться *инымъ* — легчайшимъ — способомъ, и вотъ какимъ: объ *одномъ* изъ нихъ приведемъ только *одну* характеристическую, такъ сказать, *родовую* черту мудрости, явленную въ такую минуту, когда не только мудрецъ, но и послѣдній изъ смертныхъ бываетъ *безъ лжи*—въ минуту предсмертную—и по этой *одной* чертѣ вызнаемъ всѣхъ семь мудрецовъ, уразумѣвъ, за что́ именно жаловала Греція міровое званіе *мудреца*. Вы найдете эту черту въ «Аттическихъ Ночахъ». Отдернемъ завѣсу тысячелѣтій и порадуемся замогильному свѣту, отражающемуся на смертномъ одрѣ старца — *Хилона* Лакедемонянина!

Умирающій говоритъ друзьямъ, окружившимъ ложе его: «Въ продолженіе долголѣтней жизни, рѣчи и дѣянія мои были такого рода, что я не имѣлъ надобности раскаиваться, въ чемъ вы, можетъ быть, сами засвидѣтельствуете, послѣ моей смерти. Конечно, въ этотъ последній часъ, я себя не обманываю; я ничего

не сдѣлалъ такого, что̀ могло бы обременить совѣсть мою, за исключеніемъ только одного поступка, относительно котораго мнѣ донынѣ не совсѣмъ ясно было: праведенъ ли онъ, или предосудителенъ? Я назначенъ былъ, съ двумя другими, судить уголовное дѣло одного изъ моихъ друзей. По закону, слѣдовало бы его осудить. Я долженъ былъ—или друга приговорить къ смерти, или какъ-нибудь обойдти законъ. Послѣ долгихъ размышленій о томъ, какимъ образомъ, въ столь затруднительномъ положеніи, могу я удовлетворить обязанность *друга,* не нарушая обязанности *судіи,* я остановился на слѣдующемъ, какъ наилучшемъ, рѣшеніи: *тайно* написалъ я смертный приговоръ, а *гласно* ходатайствовалъ за друга у своихъ товарищей—и они признали его неповиннымъ смерти. Онъ былъ спасенъ большинствомъ голосовъ. Теперь, на ложѣ смерти, э̀тотъ поступокъ тревожитъ мою совѣсть, представляясь мнѣ дѣломъ предосудительнымъ, грѣшнымъ».

Сіе предсмертное признаніе Хилона подало поводъ къ философскому вопросу, которымъ занимались Ѳеофрастъ, Цицеронъ, Авлъ-Гел-

лій: «Можно ли иногда, въ пользу друга, дѣйствовать вопреки законамъ гражданскому и нравственному? въ какихъ именно случаяхъ и до какой степени?» Намъ дѣла нѣтъ до этого вопроса; для насъ всего важнѣе то, что *греческій мудрецъ*, на исходѣ долголѣтней жизни, находилъ на совѣсти своей только *единый* грѣхъ, совершенный ради *спасенія друга*! Невольно умиленіе овладѣваетъ душею... вотъ какая чистота душевная прославляла мудрецовъ Греціи! Послѣ этого, всякій пойметъ, почему Платонъ—наслѣдникъ этой мудрости и потомокъ Солона, столь глубоко уважаемый философами всѣхъ вѣковъ, становится соединительнымъ звеномъ между мудрецами древними и новѣйшими. Вотъ за *что̀* Греція жаловала въ мудрецы! Какъ же не лестно для насъ, что тою же Грецію VI вѣка до Рожд. Христова, нашъ соотечественникъ, царственный юноша Скиѳіи, былъ прозванъ *мудрымъ* и сопричисленъ къ мудрецамъ *греческимъ*! Имя его, какъ вамъ извѣстно, *Анахарсисъ*!

Только просимъ васъ покорнѣйше не смѣшивать этого почтеннаго, завѣтнаго для насъ лица историческаго съ вымышленнымъ того же име-

ни героемъ Аббата Бартелеми! Считаемъ неизлишнимъ такое предостереженіе, потому что германскіе энциклопедисты (зри V изданіе Конверсаціоннаго Лексикона) вдались въ непростительную ошибку, приписывая вымышленному французскому Скиѳу похожденія историческаго Анахарсиса; хотя и самъ Бартелеми, для различія отъ историческаго, называетъ *своего* Анахарсиса «Младшимъ» — и нѣсколько разъ упоминаетъ о «Старшемъ».

Бѣглымъ взоромъ поразвѣдавъ мудрость эллинскую, однимъ изъ верховныхъ жрецовъ которой явится нашъ Скиѳъ, вернемся за нимъ опять въ Скиѳію, чего требуетъ и хронологическій порядокъ нашей охоты.

Геродотъ называетъ разныя племена скиѳскія, какъ сказалъ бы, говоря о Россіянахъ: Новгородцы, Тверитяне, Ярославцы, Калужане—а все—тѣ же *русскіе* люди! Главнѣйшимъ племенемъ, Скиѳами изъ Скиѳовъ, считалась Орда *царственная*, гдѣ былъ и Царь, повелитель всѣхъ скиѳскихъ племенъ. Вѣроятно, войско, овладѣвшее Мидіею, состояло, по бóльшей части, изъ Скиѳовъ главной Орды, и Скиѳы-земледѣльцы и другіе только своими уча-

стками дополнили опредѣленное число войска, назначеннаго—какъ мы выше предполагали — преслѣдовать разбитыхъ враговъ до самаго Каспія. Разсказанное нами событіе, касательно рабичищей, могло приключиться только въ Главной Ордѣ — чему доказательствомъ служитъ и *мѣсто*, гдѣ окопались пасынки, встрѣчая съ оружіемъ своихъ азіатскихъ отчимовъ — близъ Азовскаго Моря: то была восточная граница Главной Орды.

Конечно, и изъ *этой* орды *не всѣ* Скиѳы отправились въ азіатскій походъ; но число оставшихся оказывалось крайне несоразмѣрнымъ количеству скиѳскихъ женъ, которыя считали своихъ мужей безъ-вѣсти пропавшими, невозвратно погибшими, и поэтому не могли быть удерживаемы отъ втораго, хотя и на неровнѣ, брака, допускаемаго, впрочемъ, и политическимъ благоразуміемъ и естественнымъ чувствомъ справедливости. Въ числѣ оставшихся, въ Главной Ордѣ, Скиѳовъ, разумѣется, были и члены Царскаго семейства: одному изъ нихъ Царь Мадіасъ, на время своего отсутствія, долженъ же былъ поручить управленіе Скиѳіи. Достовѣрно, что *отецъ*, а—можетъ быть—и *дѣдъ*

нашего Анахарсиса—*Туръ* и *Ликъ*—не участвовали въ азіатскомъ походѣ, ибо Анахарсисъ, тринадцать лѣтъ по возвращеніи Скиѳовъ изъ Азіи, отправился путешествовать: стало быть, въ эпоху того возвращенія, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, отрокъ! Онъ былъ и одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ царствующаго Дома: родной братъ его Савлій (у Діогена-Лаэртія—Кадуидъ), былъ въ послѣдствіи Царемъ Скиѳовъ; и сынъ этого Савлія, родной по отцѣ племянникъ Анахарсиса, Царь Идантирсъ, имѣлъ дѣло съ нашимъ Восточнымъ Наполеономъ — о чемъ рѣчь впереди.

Французскому Анахарсису вовсе не къ лицу скиѳская маска: пріемы схоластика XVIII вѣка представляютъ слишкомъ странный съ нею контрастъ! Это — *книга учебная*, до нѣкоторой степени очень полезная, какъ сборникъ сохранившихся о Греціи свѣдѣній, но далеко не удовлетворительная. *Мѣстами* крайне поверхностно, а мертвеннымъ образомъ *вообще*, схоластикъ касается классическаго духа эллинскаго, будитъ его всячески — не добудится! Задача автора, особенно въ то время, превышала силы *одного* ученаго! Да и нынѣ задача сія

не выполнена: не доказываетъ ли это, что, въ новѣйшее время, нельзя никому изъ насъ превратиться въ человѣка античнаго до такой степени, чтобы *вполнѣ* обнять эллинскій бытъ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, во всей его гармоніи, въ постепенномъ процессѣ развитія его, какъ художественное созданіе природы? Только по *одной*—которой либо—части этого быта, успѣвалъ тотъ или другой ученый. (*)

Но намъ—Русскимъ—представляется другаго рода, по сему предмету, задача—скромнѣйшая той, но за то и удобоисполнимая! Когда путешествовалъ нашъ Скиѳъ, Греція только что начиналась; можно бы одолѣть эту начинающуюся Грецію, и намеками на позднѣйшее развитіе ея постепенно образовать полное понятіе о томъ, что́ мы, въ цѣломъ, хорошо постигаемъ, но въ синтетическомъ процессѣ, въ частномъ со всѣхъ сторонъ развитіи до этого цѣлаго, не вѣдаемъ. Русскому писателю слѣдовало бы теперь, въ память нашего знаменитаго

(*) Въ наше время, Англичанинъ *Джоржъ Гротъ*, въ своей Исторіи Греціи, пользуясь предварительными по сей части трудами Германцевъ, чуть ли не выполнитъ этой великой задачи! (Позднѣйшее примѣчаніе).

соотечественника, воспроизвести настоящаго Скиѳа—Анахарсиса *живаго*, любознательнаго, геніальнаго—свѣжимъ окомъ здравой природности глядящаго на все, видимое имъ въ Греціи. Не ссылайтесь на скудость біографіи его у Діогена-Лаэртія; не говорите, что сохранилось слишкомъ мало анекдотовъ о нашемъ Скиѳѣ! Намъ нужна не біографія его, точная, полная — но *историческая основа для умственнаго* Анахарсиса—и ее-то мы имѣемъ въ превосходной степени: мы имѣемъ блистательный *итогъ* его жизни—міровая слава его въ Греціи, какъ мудреца! Этимъ итогомъ вы и уполномочены выводить, по богатѣйшей канвѣ, картину жизни вашего героя. Какъ поэтически, какъ занимательно можетъ быть изображаемо первое пробужденіе и постепенное развитіе этого міроваго ума—въ таборѣ скиѳскомъ! Какой прекрасный случай, для патріота, олицетворять, въ образѣ этого Скиѳа, ту всестороннюю способность ума, то величіе благородныхъ помысловъ, которыми знаменуется геній нашего Отечества—и этимъ доказывать неопровержимо, что онъ издревле, уже во времена первобытныя, удѣленъ былъ такими чудными пре-

имуществами! Исторія сохранила намъ появленіе Анахарсиса у Солона: такъ ничто не помѣшаетъ вамъ свести нашего Скиѳа и съ прочими мудрецами, въ каждое изъ этихъ отдѣльныхъ посѣщеній раскрывая новую сторону его ума, новую выразительную черту его души. Вы можете свести его даже съ поэтами Алкеемъ и Сафо; легко устроить его любознательное прикосновеніе ко всему, чѣмъ отличалась тогдашняя Греція; можете, въ иныхъ случаяхъ, дозволять себѣ и анахронизмы, разумѣется — не очень значительные. Какъ скиѳскій *Царевичъ* и признанный Греціею *мудрецъ*, нашъ Скиѳъ имѣетъ двоякое право посѣщать и дворы иностранныхъ властителей: такъ побывайте съ нимъ у Царя Креза, у великаго Кира, у Амасиса и Іерофантовъ египетскихъ!... Сохранилось же письмо Анахарсиса къ Крезу:

«Царь Лидійскій! Я пріѣхалъ къ Грекамъ изучать ихъ нравы и гражданскія постановленія, но въ *златѣ* надобности не имѣю: будетъ съ меня, что возвращусь въ Скиѳію умнѣе и лучше, нежели какимъ выѣхалъ оттолѣ. Но все-таки пріѣду въ Сардесъ, потому что мнѣ желательно видѣть *тебя* и заслужить твое бла-

горасположеніе.»—Какъ выразительно словечко *злато*, въ письмѣ къ богатому Крезу!

Однимъ словомъ: этотъ умственный Скиѳъ на исторической основѣ, право, не будетъ виноватъ, если русскій романъ: «Анахарсисъ Старшій»—не окажется однимъ изъ любопытнѣйшихъ, занимательнѣйшихъ произведеній не только *нашей*, но и всякой другой европейской словесности.

Возвратимся къ своей охотѣ.

Посредствомъ Каллипидовъ и Черноморскихъ Грековъ, Анахарсисъ имѣлъ случай познакомиться и, навѣрное, освоился предварительно какъ съ языкомъ, такъ и съ образованностью Греціи—до своего путешествія. Діогенъ Лаэртій говоритъ, что мать нашего Скиѳа была — *Гречанка!* Это — явный вымыслъ, позднѣйшій говоръ людской, которымъ воспользовался неразборчивый, чуждый всякой критики, біографъ. Анахарсисъ, конечно, упоминалъ бы, въ Греціи, о своей греческой матери — и не одинъ изъ старѣйшихъ писателей также! Вымыслъ, очевидно, основывается на томъ, что Анахарсисъ зналъ хорошо языкъ эллинскій и горячо любилъ Грецію. Понятно, что Грекамъ хотѣ-

лось бы присвоить себѣ, хотя через *мать* его, этого знаменитаго Скиѳа, въ ликѣ греческихъ мудрецовъ! Въ пользу его, употребили тотъ же способъ, которымъ, въ послѣдствіи, задирали Демосѳена: происхожденіемъ по матери: разсказывали, что дѣдъ великаго оратора аѳинскаго, Гилонъ, осужденный за сдачу города въ Понтѣ, бѣжалъ въ Скиѳію, женился тамъ и отъ скиѳской жены имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна—Клеовула—была мать оратора. Но если уже Плутархъ считаетъ это клеветою, со стороны Эсхина, то мы подавно не имѣемъ права зачислить въ свои южики Демосѳена!

Былъ-ли, до Анахарсиса, хотя одинъ скиѳскій путешественникъ въ Греціи—этого мы не знаемъ; но какой-то Скиѳъ «Токсарисъ», причисленный Аѳинянами къ иросамъ, подъ именемъ «Иностраннаго Медика», принадлежитъ къ позднѣйшему времени: не за долго до войны Пелопонезской скончался онъ въ Аѳинахъ. Во время страшной тамъ чумы, тѣнь его явилась женѣ ареопагита Архителя, велѣла кропить почаще виномъ узкія улицы — и чума унялась! Анахарсисъ же путешествовалъ за полтора вѣ-

ка до этой войны. Разсказъ Лукіана, подъ названіемъ: «Скиѳъ», гдѣ этотъ скиѳскій медикъ будто бы знакомитъ нашего мудреца съ Солономъ, есть—какъ и самъ авторъ сознается—чистый *вымыслъ*, примѣняемый къ молодому сирійскому ритору въ Ѳессаликѣ, въ видѣ рекомендаціи. У Лукіана есть *другой*—современный Лукіану *Токсарисъ*, о коемъ мы выше упомянули мимоходомъ и еще поговоримъ, въ пользу нашихъ Скиѳовъ. Возвратимся къ Анахарсису.

Можемъ себѣ представить, съ какимъ восторгомъ привѣтствуетъ онъ берегъ Греціи! Онъ пріѣзжаетъ въ Аѳины, навѣдывается о Солонѣ, котораго, за два года передъ тѣмъ (въ 594 годъ до Р. Х.), избрали главою и законодателемъ Аѳинъ. Единогласная о немъ молва: «Это прелюбезный, обходительный мудрецъ! вмѣстѣ съ тѣмъ и любитель житейскихъ прохладовъ и *поэтъ*, въ домѣ котораго частенько пируютъ Музы съ Эротомъ!» Анахарсисъ подумалъ: «Такимъ я и воображалъ себѣ мудреца *аѳинскаго*, живущаго подъ небомъ Аттики!» Постучалъ въ двери Солона—и смѣло представляется знаменитому мудрецу...

«*Я Скиѳъ*—и пріѣхалъ издалека, чтобы заключить съ тобою союзъ дружбы и гостинаго родства!»

Солонъ, въ эту минуту, былъ не въ духѣ... вѣроятно, сидѣлъ за своими законами, ломая голову—и отвѣчалъ довольно непривѣтливо:

— Не лучше ли бъ было заводить эти связи *дома*, чѣмъ ѣздить далеко за такимъ дѣломъ?

Нашъ Скиѳъ нисколько не смутился, не обидѣлся, а возразилъ съ яснымъ лицемъ:

«Трудъ путешествія касается не до тебя! ты *дома*: такъ у себя дома и можешь свести со мною дружбу и родство гостиное!»

Восхищенный этимъ умнымъ, ловкимъ отвѣтомъ, Солонъ обнялъ и поцѣловалъ Скиѳа и удержалъ у себя нѣсколько дней. До какой степени дался ему нашъ Скиѳъ, и какое высокое возымѣлъ онъ мнѣніе о немъ—можно заключить изъ того, что Солонъ своему *скиѳскому* гостю сообщилъ планъ и предполагаемое содержаніе своихъ законовъ. Анахарсисъ, выслушавъ все со вниманіемъ, принялся подшучивать надъ надеждою Солона: одними *писанными* законами унимать несправедливость и любостяжаніе своихъ согражданъ:

«Исправь сперва *нравы*, которыя суть лучшая подпора законовъ! А, безъ того, твои законы будутъ для Аѳинянъ лишь паутиною: запутаются въ ней только мошки; а крупныя насѣкомыя прорвутъ ее и пролетятъ!»

Плутархъ говоритъ по этому поводу: «Послѣдствія *оправдали* предвидѣніе Анахарсиса, доказывая тщетность надеждъ аѳинскаго законодателя!

Какъ же не восхищаться опять этою чертою мѣткаго природнаго ума—этою отличительною особенностью сыновъ Россіи!

Побывавъ на разныхъ вѣчахъ въ Греціи, Анахарсисъ сказалъ Солону:

«Меня удивляетъ, что, въ народныхъ собраніяхъ эллинскихъ, *люди умные* только предлагаютъ, совѣтуютъ—а *глупцы* рѣшаютъ дѣла!»

Здѣсь Скиѳъ нашъ опять попадаетъ въ головку гвоздя!

Къ чести нашего Скиѳа, упомянемъ здѣсь о томъ, что̀, по прошествіи *семи* вѣковъ, и болѣе, правдолюбивѣйшій писатель своего времени, Лукіанъ—влагаетъ въ уста Солона, въ діалогѣ, названномъ по имени нашего Скиѳа: «Ты, Анахарсисъ, смѣлымъ противорѣчіемъ исправляй

мои мысли, когда онѣ покажутся тебѣ невѣрными: чѣмъ болѣе разъяснишь мой умъ, тѣмъ благодарнѣе будутъ тебѣ Аѳины! Я, первый— провозглашу о томъ всенародно; скажу, *чѣмъ* я тебѣ буду обязанъ: Аѳиняне! включите этого Скиѳа въ разрядъ вашихъ благодѣтелей! Соорудите ему статую подлѣ героевъ нашего града—подлѣ самой Минервы! Будь увѣренъ, мой Скиѳъ, что Аѳины не сочтутъ за стыдъ научаться полезному и отъ варваровъ!»

У Діогена-Лаэртія находимъ нѣсколько любопытныхъ чертъ, не только дополняющихъ обличіе нашего Скиѳа, но и наводящихъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ и нравы народа его. Чистосердечіе, прямодушіе Анахарсиса породило греческую поговорку: «Онъ говоритъ, какъ Скиѳъ!» порусски: онъ правду рѣжетъ!— На вопросъ: извѣстно ли Скиѳамъ употребленіе флейты? Онъ отвѣчалъ: «Имъ и самый виноградъ не извѣстенъ!» т. е. только хмельнымъ людямъ свойственно плясать подъ флейту: Скиѳы же не вѣдаютъ хмеля! — Здѣсь Скиѳъ нашъ явно намекаетъ на нескромную, въ пирахъ греческихъ, пляску *эммелію*, которою блистательный красавецъ Иппоклидъ прогулялъ

свою княжескую невѣсту — прабабушку Перикла! (Геродотъ кн VI, §§ 129 и 131).—Если къ тогдашнимъ сынамъ Россіи *не* относится знаменитое слово нашего Солнышка-Князя, то, въ послѣдствіи, скиѳская гвардія въ Аѳинахъ отличалась и въ дарахъ Вакха: греческая поговорка: «Онъ пьетъ, какъ Скиѳъ!» означала высокую степень наклонности этого рода. Но современники Анахарсиса славились трезвостью; и онъ самъ — образецъ воздержности— произнесъ о виноградной лозѣ сужденіе, что она приноситъ плодъ *троякій*: удовольствіе, хмель и раскаяніе! Надпись на статуяхъ его гласила: «Будь господинъ своего языка, своего живота и своей любви!»

«Зачѣмъ Греки, которые запрещаютъ лгать, лгутъ публично въ шинкахъ?» Не доказываетъ ли этотъ вопросъ нашего Скиѳа, что народная совѣсть скиѳская была строже, стыдливѣе!

Онъ первый сказалъ, что мореходцы лишь на четыре пальца отъ смерти—и на вопросъ: Живущихъ ли, или мертвыхъ разрядъ многочисленнѣе? отвѣчалъ: «Въ которомъ изъ нихъ считаешь мореплавателей?» На другой ему

вопросъ: Какія суда—самыя надежныя? «Тѣ, которыя вошли въ гавань!»

Онъ ненавидѣлъ безполезную, часто до уродства доводящую битву атлетовъ. «Масло — зелье умалишающее: потершись имъ, атлеты бѣснуются другъ противъ друга!»—Приведемъ, наконецъ, изреченіе, которымъ Анахарсисъ, какъ ни высился умомъ и душею надъ своимъ народомъ, совпадаетъ съ нимъ задушевно, къ обоюдной чести (мы это увидимъ ниже): «Единый, уваженія достойный другъ лучше многихъ приверженцевъ ненадежныхъ!»

Пробывъ много лѣтъ въ Греціи; обозрѣвъ, вѣроятно, и другія знаменитыя въ то время государства, Анахарсисъ съ лучшими для своего отечества надеждами возвратился въ Скиѳію, которая еще не могла не только оцѣнить, но и снести такого человѣка: онъ погибъ трагически!... Провидѣнію угодно было еще на четырнадцать вѣковъ, и болѣе—отсрочить *начало Руси*; а до Петра, въ міровомъ геніи котораго содержался и духъ Анахарсиса, оставалось двадцать два вѣка слишкомъ. Преклоняясь передъ волею Провидѣнія, можемъ человѣчески и сочувствовать горькому, траги-

ческому положенію міроваго мудреца—въ таборѣ дикихъ соотечественниковъ, ненавидѣвшихъ всякое образованіе.... Цѣните же Генія не по *успѣху*, какой имѣлъ онъ между необразованными современниками, а по *тому*, чего онъ *стоитъ*, въ отношеніи къ міровому, непреходящему!

Кончимъ рѣчь о знаменитомъ Анахарсисѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ: не рѣдко, въ состояніи дикости, раждаются геніальные поэты! Было бы гораздо менѣе удивительно, если бы Скиѳъ Анахарсисъ, вмѣсто дара мудрости, получилъ даръ поэзіи! Онъ и сочинилъ, по свидѣтельству того же Діогена, поэму въ 800 стиховъ, о нравахъ Скиѳовъ и Грековъ, относительно воздержности и военной тактики; но, вѣроятно, лишь въ угодность и въ подражаніе Солону, — *шутилъ* поэзіею. Если бъ онъ уродился поэтомъ, то — безъ сомнѣнія — воспѣлъ бы, на языкѣ эллинскомъ, геройскій походъ Царя Мадіаса въ Мидію, гордясь патріотически мужемъ битвы, какихъ еще не производила Греція—и эта *эпопея*, если бы дошла до нашихъ временъ, заняла бы первыя страницы Исторіи Государства Россійскаго! Но, прини-

мая въ соображеніе, что, вмѣстѣ съ толиками твореніями эллинской словесности, могла бы не дойдти до насъ и эпопея Анахарсиса — благословляемъ судьбу, оцѣнившую его даромъ *мудрости* и выставляющую для насъ — Русскихъ—на почвѣ исторической, блистательный образъ соотечественнаго намъ мудреца—человѣка чистаго, возвышеннаго въ такія времена, когда, во всемъ мірѣ, только одна *Греція*, по своему образованію, могла имѣть подобныхъ людей — и имѣла ихъ всего — только седьмицу.

Какъ бы мы ни уважали прекрасную Сиву, но помочь ей, какъ выше (во II главѣ) дщерію Царя Гиперборейскаго—здѣсь рѣшительно нельзя: на ея отъѣзжихъ поляхъ не сыщешь и фантастическаго созданія, которое смѣло бы уподобляться существенному Анахарсису — а *онъ*-то составляетъ торжество нашей Табити-Ифигеніи!

§ V.

Заглянемъ опять въ Мидію. Ціаксаръ, имѣвшій дѣло съ Скиѳами, скончался послѣ долголѣтняго царствованія; вступилъ на престолъ

сынъ его Астіагъ. У этого Астіага была дочь, про которую снилось ему нѣчто странное, но грозно-знаменательное, по толкованію Магіевъ (Геродотъ, кн. I. § 107). Вслѣдствіе этого вѣщаго сна, она была выдана замужъ не за Мидянина (чего требовалъ этикетъ), а за Перса Камбиза, дабы вѣщій сонъ не могъ осуществиться. Но сонъ все-таки осуществился: дочь Астіага сдѣлалась матерью великаго Кира, который, плѣнивъ въ битвѣ своего дѣда, сталъ Царемъ Персовъ и Мидянъ. Всѣмъ извѣстно славное царствованіе Кира. О кончинѣ его—двоякое преданіе: 1-ое, что онъ палъ въ битвѣ съ Массагетами; 2-ое, что онъ спокойно скончался въ своемъ дворцѣ, столѣтнимъ старцемъ. Сумасбродный сынъ его, Камбизъ, царствовалъ семь лѣтъ, съ небольшимъ. Послѣ него, завладѣлъ престоломъ Магъ-самозванецъ, Смердисъ; но вскорѣ постигла его та же участь, что и нашего Лжедимитрія. Династія прекратилась. Избрали Царемъ—Дарія Истаспа. На немъ-то мы и останавливаемся.

Прошло 84 года, по выступленіи Скиѳовъ изъ Мидіи. Если бы повѣствованія враждебныхъ Скиѳамъ дѣеписателей могли оставить

хоть тѣнь сомнѣнія, на счетъ исторической достовѣрности похода Скиѳовъ въ Азію и долголѣтняго ихъ владѣнія Мидіею, то и эта тѣнь исчезла бы передъ *однимъ* ратнымъ дѣйствіемъ новаго Царя Персидскаго. Какъ глубоко долженствовало быть оскорблено скиѳскимъ походомъ и владычествомъ народное самолюбіе Персовъ и Мидянъ, когда оно не ублажилось и славою Кира; когда, по прошествіи почти столѣтія, первымъ ратнымъ помысломъ Царя *новой* династіи было: отомстить Скиѳамъ завоевательнымъ походомъ! Мы говоримъ о первомъ *помыслѣ*, а не *дѣлѣ* ратномъ этого Дарія. Супруга его Атосса, по наущеніи греческаго медика, однажды, на брачномъ ложѣ, представляла Дарію, что Царь Персидскій, еще молодой, долженствовалъ бы ознаменовать начало своего царствованія важнымъ подвигомъ ратнымъ... и Дарій отвѣчалъ: «Я согласенъ съ тобою — и уже рѣшилъ въ своей душѣ: *идти на Скиѳовъ*!» — «Государь! возразила Атосса: не начинай съ Скиѳовъ: ты съ ними управишься во всякое время, когда лишь захочешь! Прежде всего иди войною на Грецію! Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть, въ своей при-

слугъ, женъ Спарты, Аргоса, Коринѳа и Аѳинъ: я столько наслышалась о женахъ греческихъ!»

Разныя заботы государственныя, въ томъ числѣ и война вавилонская, нѣсколько лѣтъ задержали Дарія. Онъ все уладилъ и, въ 508 году до Р. Х., снарядилъ огромное сухопутное ополченіе и морскую силу, для похода въ Скиѳію.

Ближайшій путь отъ *Сузы* (столицы Дарія) до царственныхъ Скиѳовъ на Дону лежалъ черезъ Кольхиду; но Царь Персидскій, владѣя Іоніею и Эоліею, и считая нужнымъ обезпечить себя со стороны Азіатскихъ Грековъ, какъ и обезопасить свой тылъ, уклонился въ сторону, прибылъ въ Халкедонъ, на Пропонтидѣ, и созвалъ къ себѣ и удержалъ аманатами полномочныхъ Губернаторовъ какъ этихъ греческихъ, такъ и геллеспонтскихъ областей. Изъ этихъ аманатовъ назовемъ, покамѣстъ, только Губернатора Милетскаго—*Истіэя*—и аѳинскаго Правителя ѳракійскаго Херсониса — столь знаменитаго впослѣдствіи—*Мильтіада!* Былъ построенъ мостъ черезъ Ѳракійскій Босфоръ. По этому мосту Дарій, съ своимъ великолѣпнымъ

воинствомъ въ 700,000 человѣкъ, перешелъ въ Европу; а флоту своему, ведомому Іонійцами, велѣлъ отправиться къ устьямъ Истра (Дуная), подняться вверхъ по рѣкѣ и, прошедъ мѣсто, гдѣ она раздѣляется на рукава, построить мостъ и ждать прибытія арміи, съ которою онъ самъ подвинулся черезъ Ѳракію и покорилъ разныя племена ея. Мостъ давно былъ готовъ, когда прибылъ Дарій на правый берегъ Дуная. Скиѳія начиналась тамъ же, гдѣ и нынѣ, съ этой стороны, начинается Россія — югозападнымъ угломъ, называемымъ Бессарабіею. Прошедъ съ своею арміею черезъ Дунай, Дарій, въ порывѣ слѣпой самонадѣянности, отдалъ приказаніе *сломать мостъ*. Вельможи Персидскіе безмолвствовали; но хитро подвернулся съ докладомъ Грекъ, начальникъ Митиленцевъ, и, получивъ дозволеніе говорить, произнесъ слѣдующее:

«Государь! Ты идешь въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни обработанныхъ полей: такъ оставь мостъ въ цѣлости и вели охранять его тѣмъ, кто его построилъ. Найдемъ ли мы Скиѳовъ и побѣдимъ ихъ, какъ надобно думать—или мы ихъ не найдемъ—во всякомъ

случаѣ обезопасимъ себѣ обратный путь изъ скиѳскихъ пустынь. Но, Государь, чтобы ты не подумалъ, что я ходатайствую за себя, то прошу у тебя, какъ милости, не оставлять *меня* здѣсь однимъ изъ хранителей моста, а взять меня съ собою, въ походъ по Скиѳіи!»

Дарію понравился этотъ умный совѣтъ; онъ отмѣнилъ свое повелѣніе, относительно моста; велѣлъ приготовить бечеву съ шестидесятью узловъ и, вручивъ Іонійскимъ Губернаторамъ, указалъ: «Начинайте заутра развязывать ежедневно по одному изъ этихъ узловъ! Когда будетъ развязанъ *послѣдній* узолъ *до* моего возвращенія сюда, такъ спокойно отправляйтесь домой!»—Изъ этого видно, что Дарій надѣялся, прежде *двухъ* мѣсяцевъ, покорить Скиѳію и возвратиться черезъ Кольхиду—а онъ *пять* мѣсяцевъ, и болѣе, скитался безуспѣшно по Скиѳіи и подвергался величайшей опасности.

Дарій вступилъ въ Скиѳію. Что̀ же думаютъ объ этомъ нашествіи Скиѳы? Узнавъ о походѣ персидскаго Царя, вѣроятно, со времени вступленія его во Ѳракію, и сообразивъ, что *одною* своею силою имъ не отразить, въ чистомъ полѣ, столь огромной силы, они послали къ

сосѣднимъ племенамъ просить союзниковъ. Цари Гелоновъ, Будиновъ и Савроматовъ единогласно рѣшили послать вспомогательныя войскà; но другіе народы отказали въ помощи, отвѣчая Скиѳамъ: «Вы своимъ мидійскимъ походомъ навлекли на себя эту грозу, такъ и развѣдайтесь съ нею, какъ знаете! Если же Персы вступятъ въ *наши* владѣнія, то сумѣемъ отразить ихъ; но дотолѣ не хотимъ мѣшаться въ это дѣло!»

Геродотъ заблаговременно подсказалъ намъ, что, изо всѣхъ народовъ, Скиѳы нашли вѣрнѣйшія средства сохранить драгоцѣннѣйшія достоянія — и эти средства состоятъ въ томъ, что нашедшаго на нихъ врага Скиѳы не выпустятъ изъ рукъ, а врагу не дадутъ настигать ихъ, когда того не хотятъ. Карамзинъ передаетъ это мѣсто такъ: «Скиѳы не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: вездѣ настигать непріятелей и вездѣ отъ нихъ скрываться!» Слова Геродота выразительнѣе и лестнѣе для Скиѳовъ: уклоняться отъ схватки съ врагомъ, когда заманиваешь его въ западню— отнюдь не значитъ *скрываться отъ врага*; а *умѣніе настигать непріятелей* также не со-

всѣмъ выражаетъ скиѳское искусство: не выпускать изъ Скиѳіи набѣга вражьяго, побивать его поголовно! Такое замѣчательное, нашему отечеству врожденное искусство, погубившее воиновъ Карла XII и Наполеона, предполагаетъ нѣкоторыя у Скиѳовъ свѣдѣнія въ полководствѣ, въ особенности—дарованіе стратегическое—и мы сейчасъ увидимъ, что Скиѳы составили искусный планъ военныхъ дѣйствій.

Царственная Орда имѣла *трехъ* Царей: бóльшая часть ея состояла подъ непосредственною властью Главнаго Царя—Идантирса, къ которому властители другихъ двухъ частей: Скопасисъ и Таксакисъ, находились, вѣроятно, въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и Удѣльные у насъ Князья къ Великому Князю. Въ Царской Думѣ Скиѳовъ было положено мнѣніемъ: «По неравенству силъ, не предлагать, въ чистомъ полѣ, битвы Персамъ; не нападать на нихъ открыто; по постепеннымъ стройнымъ отступленіемъ, на разстояніи *одного* марша отъ врага—*во днищѣ*, какъ говорили наши предки—завлекать его въ глубь Скиѳіи, засыпая, на дорогѣ, всѣ колодцы и ключи, и выжигая траву—и, для этой цѣли, раздѣлиться на двѣ

Арміи. Союзнымъ Савроматамъ велѣть идти въ область Скопасиса, для соединенія съ его войскомъ (назовемъ эту армію *Второю*) — и тамъ ообождать. Если Персы обратятся *туда* , то отступать , какъ сказано , на разстояніи *одного* марша отъ нихъ , вдоль Азовскаго Моря къ Дону, и даже за Донъ. Но какъ скоро врагъ начнетъ отступать къ *Дунаю*, такъ преслѣдовать его неослабно: путь ему заградитъ Первая Армія. Сей послѣдней — т. е. Скиѳамъ Царей Идантирса и Таксакиса, съ Гелонами и Будинами—стараться, если Персы пойдутъ за ними , наводить врага на области тѣхъ сосѣдей , которые отказались отъ участія въ войнѣ, и тѣмъ заставить ихъ дѣйствовать заодно съ Скиѳами ; потомъ, этой Первой Арміи возвратиться въ Скиѳію и тамъ встрѣтить Персовъ наступательною войною , если будетъ удобно.

По утвержденіи этого плана войны, Первая Армія потянулась къ Дунаю, имѣя свои семейства въ обозѣ и лишь такое количество скота, какое было необходимо для продовольствія. Дарій успѣлъ отойдти только три марша отъ Дуная , какъ узналъ , что передъ нимъ Скиѳы ,

которые и принялись дѣйствовать по вышеизложенному плану. Слѣдивъ ихъ нѣсколько времени, Персы поворотили вправо, нашли на Вторую Армію и были ею завлечены далеко за Донъ, въ степи, въ области Савроматовъ и Будиновъ. Дарію стало страшно въ этихъ степяхъ, гдѣ все нужное для него было истреблено самими обывателями. Онъ прекратилъ свое преслѣдованіе, поотдохнулъ и поспѣшилъ возвратиться въ Скиѳію. *Туда* Вторая Армія не могла преслѣдовать врага, долженствовавъ держаться черноморскихъ прибрежій, чтобы, при рѣшительномъ отступленіи Персовъ, поспѣшить къ Дунаю и заградить имъ путь.—Такъ Первая Армія, покамѣстъ, принялась водить Дарія по сосѣдямъ, не захотѣвшимъ участвовать въ этой отечественной войнѣ. Сосѣди спасались бѣгствомъ, но все-таки не пристали къ Скиѳамъ, которые, согласно общему плану, отошли въ Скиѳію. Когда утомленный Дарій, туда же обратясь, увидѣлъ опять эту Первую Армію, онъ уже не наступалъ, по своему обыкновенію, но послалъ переговорщика къ Царю Идантирсу, съ такимъ словомъ: «Царь Идантирсъ! Ты жалкій человѣкъ: только и умѣешь,

что метаться на бѣгствѣ! Остановись и дай битву, если думаешь, что можешь со мною мѣряться силами! Если же чувствуешь себя слабѣйшимъ, то покорись мнѣ—своему *Господину*—и пришли мнѣ *земли* и *воды*, въ знакъ подданства!»

Идантирсъ отвѣчалъ: «Царь Персовъ, ты крѣпко ошибаешься: я отнюдь не уклонялся отъ тебя бѣгствомъ, да и теперь не уклоняюсь! Я веду тотъ же образъ жизни, что и въ мирное время. Не боясь за свои города, которыхъ у насъ нѣтъ, ни за свои поля, которыя не возделаны, мы доселѣ не имѣли надобности поспѣшать битвою. Если же хочешь принудить насъ поскорѣе къ побоищу, то знай, что у насъ есть *Кладбище Царское*! Найди его, съ намѣреніемъ прикасаться къ могиламъ нашихъ Отцевъ: тогда увѣдаешь, сумѣемъ ли мы драться! До тѣхъ поръ — если только не представится важный случай — битвы тебѣ не будетъ. Что̀ же касается до моихъ *Господъ*, то не имѣю другихъ, кромѣ *Зевеса*, моего Родоначальника (вспомните преданіе о Зевесѣ и дочери Днѣпра), и *Табити*, богини Скиѳовъ!—Вмѣсто *земли* и *воды*, я пришлю тебѣ гораздо приличнѣйшіе дары.

Тебѣ ли называть себя моимъ Господиномъ! Пріймись-ка лучше *плакать*! (то было сильнѣйшее у Скиѳовъ выраженіе презрѣнія).

Гдѣ же это *Царское Кладбище*, столь священное для Скиѳовъ? Въ землѣ одного скиѳскаго племени, Герровъ, на Днѣпрѣ, въ четырнадцати дняхъ пути отъ устья—«вѣроятно, близъ *Кіева*!» говоритъ Карамзинъ. Опять прелюбопытное обстоятельство въ быту этихъ изначальны въ сыновъ нашего Отечества!

Послѣ такого отвѣта Дарію, Царь Идантирсъ повелѣлъ Второй Арміи идти тотчасъ на Дунай, для переговоровъ съ Іонійскими Губернаторами, сторожившими мостъ Дунайскій; а въ Первой Арміи было рѣшено уже не отступать, а нападать ежедневно на Персовъ, во время ихъ обѣда. Въ этихъ схваткахъ, скиѳская конница всегда опрокидывала персидскую, которая должна была укрываться за пѣхоту; кромѣ того, Персы имѣли еще значительную помогу въ своихъ ослахъ: скиѳскіе кони боялись ослинаго крика! — Дарій уже не помышлялъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, надѣясь или высмотрѣть удобный случай для главной битвы, успѣхъ который могъ бы за-разъ рѣшить дѣ-

ло,—или, вмѣстѣ съ обѣщанными *приличными* подарками, получить и согласіе Скиѳовъ на покорность ему. Съ другой стороны, Дарію еще было стыдно дать тягу—заранѣе, въ виду цѣлаго свѣта, признать себя побѣжденнымъ. А кромѣ того, онъ долженъ былъ опасаться, на своемъ отступленіи, конечной погибели отъ стремительнаго напора непобѣжденныхъ Скиѳовъ, при упадкѣ духа въ Персидскомъ войскѣ. Царь Идантирсъ, также съ своей стороны, во ожиданіи вѣстей изъ Второй Арміи и въ намѣреніи: покамѣстъ еще удерживать Персовъ въ Скиѳіи, ограничивался этими кавалерійскими стычками.—При такомъ, съ обѣихъ сторонъ, разсчетливомъ медленіи, мы можемъ на часъ оставить позорище войны и посмотрѣть: что́ дѣлается на Дунайскомъ мосту —и погулять въ области поэзіи, оставаясь однако на исторической почвѣ.

§ VI.

Въ числѣ хранителей этого моста, вмѣстѣ съ Іонійскими и Геллеспонтскими Губернаторами, былъ и *Мильтіадъ*, оставленный, вѣроятно, подъ тайнымъ надзоромъ подвластныхъ Да-

рію Грековъ Азіатскихъ. Скиѳія, какъ уже сказано, начиналась въ томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ былъ мостъ—*лѣвымъ* берегомъ Дуная; конецъ моста касался границы Скиѳіи. Срокъ, назначенный Даріемъ для стереженія моста, давно прошелъ; но Губернаторы оставались на томъ мѣстѣ, ожидая съ томительнымъ любопытствомъ какой нибудь вѣсти о «Великомъ Королѣ», углубившемся въ бездонную Скиѳію. — Не было ни малѣйшаго слуха—а *другіе* шестьдесять узловъ на бечевѣ также приходили уже къ концу, т. е. истекалъ *четвертый* мѣсяцъ. Всѣхъ болѣе скучалъ, въ этомъ продолжительномъ бездѣйствіи, Мильтіадъ; частенько, то пѣшкомъ, то верхомъ удалялся онъ въ Скиѳію стадій на тридцать и болѣе, и былъ всегда чрезвычайно задумчивъ. Товарищи приписывали эти прогулки безпокойству воинственнаго духа, порывающагося ежеминутно въ слѣдъ Персидской Арміи, къ подвигамъ ратнымъ — а осужденнаго, между тѣмъ, караулить *мостъ!*... Совсѣмъ не о томъ скучалъ Мильтіадъ! Онъ, въ душѣ, ненавидѣлъ Персовъ, предвидя великую отъ нихъ опасность для Греціи, раздѣленной на множество часто несогласныхъ между

собою областей: онъ страшился за Грецію того же Персидскаго ярма, водъ которымъ страдали области Эоліи, Іоніи и Дориды.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, не за долго до захожденія солнца возвратясь съ своей обычной прогулки, Мильтіадъ остановился на мосту и, обращенный къ Скиѳіи, будто смотритъ пристально во слѣдъ отлогимъ лучамъ солнечнымъ, стелющимся далеко по безконечнымъ скиѳскимъ степямъ. Лице его выражало что́-то необыкновенное, свѣтилось будто заревомъ душевнаго восторга. Къ нему подошли товарищи. Замѣтивъ, что онъ въ сообщительномъ расположеніи духа, Губернаторъ Милетскій, Истіэй, заговорилъ съ нимъ въ шутливомъ тонѣ: «Мильтіадъ! ты каждый день отправляешься въ Скиѳію — а никакой донынѣ не приносишь намъ оттолѣ вѣсточки!»

Мильтіадъ отвѣчалъ: «*Сегодня*, до наступленія ночи, мы получимъ вѣсть изъ Скиѳіи, если только не обманываетъ меня предчувствіе, или—точнѣе—*сонъ!* Вы, конечно, не знаете, почему я почти ежедневно прогуливаюсь по Скиѳіи: теперь я вамъ это объясню. Гостипымъ сродникомъ моихъ дѣда и отца былъ

знаменитый Анахарсисъ. Въ дѣтствѣ, я столько наслышался о немъ, что онъ сдѣлался любимымъ героемъ моего воображенія. Въ послѣдствіи, дѣятельная жизнь юноши и мужа, на службѣ Отечеству, почти изгладила это впечатлѣніе; но съ тѣхъ поръ, какъ мы стали здѣсь на мосту, видъ *Скиѳіи* возобновилъ въ моей душѣ образъ этого безсмертнаго Скиѳа. Мудрецы Греціи были естественнымъ—и потому *не* удивительнымъ—порожденіемъ эллинскаго просвѣщенія; но какимъ чудомъ эти дикія степи могли *вдругъ*, посреди глубочайшаго мрака умственнаго, произвести столь блистательный умъ, съ перваго шагу не только ставшій на ряду съ наилучшимъ, чтó произвела наша образованная Греція — съ мудрецами ея, но и превзошедшій ихъ всѣхъ глубиною и проницательностью, какъ мнѣ кажется. Отсюда, конечно, произошло народное у насъ сказаніе, будто бы Анахарсисъ вопросилъ Пиѳію: есть ли, между Эллинами, мудрѣйшій, чѣмъ онъ? (см. Отрывки изъ потерянной IX книги Діодора Сицилійскаго). Я вмѣнялъ себѣ въ отмѣнное удовольствіе ходить по почвѣ, произродившей *Анахарсиса*. Я все надѣялся вы-

смотрѣть въ ней какое либо знаменіе чуднаго свойства ея: производить внезапною самопзвольностью и, такъ сказать, перепрыгомъ черезъ естественную послѣдовательность — наилучшее, наиблистательнѣйшее!.. Ковыль, которымъ покрыто лице Скиѳіи, оставался для меня безгласнымъ.

«Сегодня, посреди прогулки моей, неодолимо клонило меня ко сну... я прилегъ въ чистомъ полѣ и соснулъ. Мнѣ представился Анахарсисъ — точно такимъ, какимъ его являло мое воображеніе, по живописному образу его, видѣнному въ дѣтствѣ. Онъ на меня сперва молча посмотрѣлъ, потомъ произнесъ: «Въ царствѣ тѣней очень пріятно для меня, что память моя сохранилась въ подсолнечной, въ душѣ Эллина—сына моихъ гостиныхъ сродниковъ аѳинскихъ! За то хочу тебѣ провозвѣстить будущее!.. Въ твоей Аттикѣ есть мѣстечко *Маратонъ*: тамъ ты прославишься безсмертною славою и тѣмъ безсмертнѣйшею, что ты нетолько избавишь Грецію чужеземнаго ига, но и будешь, посредствомъ того избавленія, виновникомъ совершеннѣйшаго въ мірѣ искусства *Эллинскаго* — коего развиваніе вскорѣ на-

чнется, и которое, въ зародѣ его, затерли бы варвары на вѣки, безъ міровой побѣды твоей!.. Но не жди возмездія отъ своего Отечества: оно тебѣ воздастъ такъ же, какъ и *мнѣ* воздала моя Скиѳія... *высшимъ умамъ* суждено быть страстотерпцами въ подсолнечной! Найдешь, какъ и *я*, вознагражденіе въ *иномъ* мірѣ!

«Ты мучишься любопытствомъ, на счетъ похода Великаго Короля: вы *сегодня* же получите вѣсть изъ Скиѳіи!.. Никакому Дарію не одолѣть моей Скиѳіи! Судьбами предназначено ей *великое*... но еще не скоро зачнется всемірное Государство, которому послужатъ основаніемъ почва Скиѳіи и тѣ дальнія сѣверныя страны, гдѣ воображаете вы Грифовъ, стрегущихъ золото! Когда, въ образѣ сего міроваго Государства, будетъ процвѣтать моя Скиѳія, тогда Эллада наша давно уже затоптана Варварами!.. Но не тужи: эти времена варварства окажутся, въ послѣдствіи, только временною смертью, посредствомъ которой возродится наша Эллада — и *первымъ* двигателемъ этого радостнаго дѣла возрожденія ознаменуется великій Царь моего Отечества—

и уже не бывать въ Элладѣ этимъ мелкимъ общинамъ, что нынѣ—а воскреснетъ *единымъ* составомъ *Новая Грецiя,* и столицею ея будутъ—твои Аѳины!»

«Отъ этихъ послѣднихъ словъ Анахарсиса сердце мое забилось такъ радостно, такъ сильно, что я проснулся—и сновидѣнiе, разумѣется, исчезло. Сонъ—конечно—не что иное какъ *сонъ;* но, признаюсь, *этотъ* сонъ поднялъ въ душѣ моей такую бурю, которой не унимать доводами здраваго ума. Мнѣ кажутся значительными, *вѣщими* тѣ сны, кои не отлагаютъ знаменiя своей непреложности. Если мы получимъ *сегодня* какую-либо вѣсть изъ Скиѳiи, то возымѣю полную вѣру въ этотъ сонъ; если же нѣтъ, то сонъ мой былъ лишь пустое созданiе моего воображенiя, занимавшагося, на яву, исключительно Анахарсисомъ — нѣчто въ родѣ тѣхъ призраковъ, которыми жрецы наши, подобно египетскимъ, обманываютъ легковѣрную чернь въ пещерѣ Трофонiя!»

— Въ самомъ дѣлѣ, не долго ждать вѣрительнаго знаменiя твоего сновидѣнiя—воскликнулъ Истiэй: солнце уже близко къ закату! Во всѣ глаза буду глядѣть въ скиѳскiя степи.

— А если *сегодня* не будетъ намъ вѣсти изъ этихъ степей—сказалъ Аристонъ, Губернаторъ Византійскій—то неужели твоя міровая побѣда, имѣющая спасти Элладу и будущее искусство эллинское, была только пустая мечта твоего славолюбія? Нѣтъ! твой ликъ явственно предвозвѣщаетъ, что ты одинъ изъ свѣтлыхъ избранниковъ славы! Кое-что ты уже совершилъ; но главнѣйшій подвигъ твой еще впереди... Это такъ вѣрно, что и вопрошать не надо дельфійскаго бога!

— То же самое говоритъ и Великій Король— примолвилъ Губернаторъ Милетскій—и оставить тебя въ твоемъ Херсонисѣ, *позади* персидскаго войска, опасался болѣе, чѣмъ похода въ бездну Скиѳіи. Ты могъ бы быть у него великимъ, близкимъ человѣкомъ, еслибы захотѣлъ!

— И мнѣ кажется — замѣтилъ Губернаторъ Абидосскій, Дафнисъ—что Дарій, боясь твоего генія, весьма желалъ бы: или изнѣжить и усыпить его среди персидской роскоши, или породнить съ своею Особою такими милостями, золотыя цѣпи которыхъ бываютъ надежнѣе всякихъ кровныхъ узъ.

— Золотыя цѣпи не всегда—сумволонъ ми-

лости! — произнесъ Губернаторъ Кизикійскій, Аристагоръ: въ Эѳіопіи, гдѣ самый послѣдній металлъ—*золото*, всѣ узники сидятъ въ *золотыхъ цѣпяхъ*! Мильтіаду не бывать царедворцемъ персидскимъ—а быть ему развѣ *побѣдителемъ* Персовъ, что̀ очень вѣроятно, по вѣщему сну его!

Посматривая пристально вдаль, Мильтіадъ ничего не отвѣчалъ на такія и тому подобныя рѣчи, и положилъ имъ рѣшительный конецъ замѣчаніемъ, что на краю неба образовывается что-то, въ родѣ пыльнаго облака. Всѣ туда обратили глаза. Въ скоромъ времени, явственно обозначалось вдали облако пыли, которое возрастало ежеминутно, стлалось уже по огромному пространству и быстро приближалось. — «Неужто это возвращается персидское войско съ такою поспѣшностью, будто бѣго̀мъ спасаясь отъ Скиѳовъ?» подумали и промолвили Губернаторы на мосту. Но зоркій глазъ Мильтіада различилъ въ этомъ облакѣ одну лишь *конницу*; а бо̀льшая часть персидской арміи состояла изъ пѣхоты.—«Это не Персы—воскликнулъ онъ: это *Скиѳы*! Прочіе Губернаторы всѣ засуетились, воображая, что Скиѳы идутъ

атаковать мостъ. «Приготовьте все къ оборонѣ, на всякій случай—сказалъ Мильтіадъ: но я не думаю, чтобы Скиѳы имѣли враждебное намѣреніе! Посмотрите: главный корпусъ остановился, и только небольшіе отряды, одинъ за другимъ, приближаются... Скиѳы хотятъ вести съ нами переговоры!»

Отряды остановились, начиная съ задняго, на равномъ другъ отъ друга разстояніи, и передовой отрядъ (при немъ находился величественный воинъ, въ золотыхъ, на вечернемъ солнцѣ горящихъ доспѣхахъ), сталъ въ двухъ стадіяхъ (около 500 шаговъ) отъ моста и выслалъ бирюча, который подъѣхалъ и возопилъ къ Губернаторамъ:

«Царь Скопасисъ хочетъ говорить съ вами!»

Губернаторы тотчасъ согласились, подошли *одни* къ скиѳскому концу моста и велѣли сказать, что ждутъ Царя. Скопасисъ, сопровождаемый только двумя воинами, на полномъ скаку остановился въ двухъ шагахъ отъ Губернаторовъ, соскочилъ съ коня и, послѣ общаго—на греческомъ языкѣ—привѣтствія, обратился къ Мильтіаду, принимая его, по ве-

личаво-воинственному виду, за главнаго Начальника, и произнесъ:

«Іонійскіе Эллины! я привезъ вамъ драгоцѣнный даръ, если вы только достойны этого дара: я привезъ вамъ независимость отъ власти персидской! Мы узнали, что Дарій велѣлъ вамъ стеречь мостъ только шестьдесять дней. Исполнивъ сіе приказаніе, вы совершенно правы передъ нимъ! Зачѣмъ же вы, оставаясь долѣе, даете намъ причину негодовать на васъ? Идите домой!»

«Я *Аѳинянинъ*! сказалъ Мильтіадъ: Аѳины независимы — и никогда имъ не бывать подъ игомъ персидскимъ! Отвѣчайте, Іонійцы!»

Истіэй отвѣчалъ: «Благодаримъ тебя, Царь Скиѳовъ, за твое къ намъ доброжелательство! Ты совершенно правъ: Мы исполнили свой долгъ, въ отношеніи къ персидскому Царю! Не получая отъ него никакой вѣсти, мы сами себѣ назначили другой срокъ, который также истекаетъ: остается всего *три* дня! По захожденіи солнца въ этотъ *третій* день, мы разведемъ мостъ, сядемъ на суда́, пустимся внизъ по Истру въ море — и попутнымъ скиѳскимъ вѣтромъ во свояси!...»

Всѣ прочіе Губернаторы подтвердили это принятое между ними рѣшеніе, и Мильтіадъ примолвилъ: «Я всегда говорилъ, что Дарій никогда не думалъ воротиться сюда: въ шестьдесятъ дней и самъ *Ираклій* не могъ бы завоевать Скиѳіи! Очевидно, что Великій Король намѣревается, по окончаніи своего дѣла, обогнуть Понтъ Евксинскій и черезъ Кольхиду обратиться въ Персію — если попустятъ боги и Скиѳы!»

Царь Скопасисъ, довольный этимъ отвѣтомъ, возвратился къ своей Арміи; ему никакъ нельзя было ждать на Дунаѣ трое сутокъ, да онъ и не сомнѣвался, чтобы какія-либо Эллины отвергали драгоцѣнный, имъ—такъ сказать—въ руки суемый даръ независимости отъ иностранной власти. Вторая Армія скиѳская, согласно наказу поспѣшая соединеніемъ съ Первою Арміею, если не встрѣтитъ Персовъ на бѣгствѣ, заутра отошла.

Губернаторы, послѣ этого переговора съ Скиѳами, принялись гадать о настоящемъ положеніи Великаго Короля — и остановились на той вѣроятности, что еще не было рѣшительной битвы; но что Скиѳы, теперь уже увѣрен-

ные въ побѣдѣ, хлопочутъ заблаговременно о томъ, чтобъ отнять у персидской Арміи всякую возможность: спастись изъ Скиѳіи. Истіэй произнесъ: «Еслибы мы ушли, по прошествіи назначеннаго Даріемъ срока, не видѣвъ Скиѳовъ, мы были бы правы; но, оставшись здѣсь донынѣ, мы не можемъ снять моста, по приглашенію Скиѳовъ. Великій Король можетъ одержать верхъ въ Скиѳіи—и тогда поступитъ съ нами, какъ съ измѣнниками. Мы здѣсь должны ждать какой-либо вѣсти изъ стана Даріева. Какъ думаешь ты, Мильтіадъ?

Благородный Аѳинянинъ, во все время этого гадательства о положеніи Персовъ хранилъ благоразумное молчаніе, радуясь въ душѣ знаменію непреложности своего вѣщаго сна объ Анахарсисѣ. — «Рѣшите *вы*, усердные слуги Великаго Короля! отвѣчалъ онъ: если вы останетесь, такъ и *я* съ вами останусь... моя судьба, покамѣстъ, связана съ вашею! Да и не за чѣмъ мнѣ еще торопиться въ Херсонисъ!...»

Губернаторы рѣшили: остаться на мосту!

§ VII.

Мы оставили Первую Армію скиѳскую при

ежедневныхъ кавалерійскихъ стычкахъ съ Персами, которые, напослѣдокъ, прекратили эту невыгодную для нихъ потѣху. Царь Идантирсъ, заключая изъ этого, что Персы упали духомъ, и боясь, какъ бы Дарій не ускользнулъ тайнымъ бѣгствомъ—до прихода Второй скиѳской Арміи, т. е. прежде, чѣмъ будетъ можно истребительными натисками конницы пускаться на многочисленную пѣхоту персидскую (у Скиѳовъ немного было пѣшихъ войскъ), приказалъ — и въ то время изложилъ прехитрый способъ — предоставить врагу, будто ненарокомъ, одно изъ худшихъ стадъ своихъ, вмѣстѣ съ пастухами—а самъ со всѣмъ войскомъ поспѣшно отошелъ на нѣсколько дней пути, чтобы Персы и не подозрѣвали обмана. Это было исполнено такъ ловко, что голодные Персы, захвативъ стадо съ пастухами, дѣйствительно ободрились. Нѣсколько разъ Царь Идантирсъ удачно повторялъ ту же военную хитрость и ею убаюкивалъ непріятеля. Ожидая день со дня своей Второй Арміи, онъ прекратилъ эти пожертвованія—и когда Персы опять порядкомъ проголодались, онъ послалъ Дарію обѣщанные подарки: то были *птица*, *крыса*,

лягушка и *пять стрѣлъ!* Персы спросили, что значатъ эти дары. Посолъ отвѣчалъ, что ему велѣно только вручить ихъ; но самъ отъ себя совѣтовалъ поразвѣдывать ихъ иносказательный смыслъ. По поводу столь загадочной притчи, Дарій созвалъ военный Совѣтъ,—и самъ, первый, подалъ мнѣніе, что Скиѳы *покоряются*, посылая ему, по своимъ понятіямъ и обычаямъ, *земли* и *воды*, въ знакъ подданства! И вотъ на *чемъ* основывалъ онъ свое мнѣніе: *Крыса*, питающаяся въ полѣ тѣмъ же хлѣбомъ, что и человѣкъ, и живущая въ землѣ — означаетъ *землю*! *Лягушка*, которая водится въ водѣ, представляетъ *воду*. *Птица* имѣетъ много тождественнаго съ быстролетнымъ *конемъ* Скиѳа, драгоцѣннѣйшимъ его имуществомъ; а *стрѣлы* уже не въ переносномъ смыслѣ, а прямо указываютъ на то, что Скиѳы выдаютъ Персамъ и *оружіе* свое, вмѣстѣ съ конями.

Столь умное толкованіе, въ устахъ Великаго Короля, не встрѣчало въ Совѣтѣ противорѣчія; съ другой стороны, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, въ лагерѣ Персовъ, былъ такъ чувствителенъ, что каждый изъ членовъ Совѣта,

вѣроятно, искалъ, подобно Дарію, въ этихъ скиѳскихъ подаркахъ, благопріятнѣйшаго Персамъ смысла. Но въ Совѣтѣ засѣдалъ одинъ изъ тѣхъ шести вельможъ персидскихъ, которые, вмѣстѣ съ Даріемъ, низвели мага Смердиса—Гобріасъ. *До* избранія Царя изъ этихъ *семи* вельможъ, они между собою условились, что избранный конскимъ ржаніемъ въ Цари останется навсегда въ дружескихъ отношеніяхъ къ шести товарищамъ своимъ, и что они, во всякое время, могутъ говорить ему доброжелательную истину напрямки, безъ опасенія гнѣва Царскаго. Этотъ Гобріасъ, среди безмолвнаго Совѣта, подалъ наконецъ голосъ:

«Государь! Я выразумѣлъ нѣчто совершенно иное изъ этихъ роковыхъ подарковъ! По моему мнѣнію, они значатъ:» Персы, если вы не улетите по воздуху, подобно птицамъ; или, если не сокроетесь подъ землю, подобно крысамъ; или, если не броситесь въ болота, подобно лягушкамъ: то никогда не видать вамъ своей родины!.. На каждаго изъ васъ хватитъ у Скиѳовъ по *пяти* добрыхъ стрѣлъ!..»

Дарій нахмурился, но еще покуда не сдавался и кое-какъ отстаивалъ свое мнѣніе. Со-

вѣтъ оставался при этихъ двухъ, рѣзко другъ другу противорѣчащихъ, толкованіяхъ, какъ вдругъ доносятъ Дарію, что Скиѳы подошли въ боевомъ порядкѣ и предлагаютъ битву. Этого-то давно и горячо желалъ онъ, но никакъ не ожидалъ въ ту минуту, когда хотѣлъ увѣрить себя и Совѣтъ свой, что Скиѳы *покорятся.* Зловѣщіе подарки и упадокъ духа въ персидской Арміи легли ему тяжело на̀-сердце... но онъ все-таки приказалъ выступить изъ стана и также построиться для битвы. Гордость Великаго Короля не стерпѣла бы стыда: уклоняться отъ главной, давно искомой, а теперь самимъ врагомъ предлагаемой битвы; кромѣ того, надобно было опасаться, что подобная недовѣрчивость къ своимъ силамъ усугубитъ упадокъ духа у Персовъ и вдвое придастъ бодрости Скиѳамъ.

Оба воинства стали другъ противъ друга, на разстояніи версты, или менѣе. Еще никоторая сторона не подавала сигнала къ битвѣ. Вдругъ зачалась великая сумотоха въ скиѳскомъ войскѣ... боевой порядокъ его, повидимому, разстроился... не малое число конныхъ Скиѳовъ, по одиначкѣ и по нѣскольку вмѣстѣ,

махая арапниками, съ рѣзкимъ крикомъ мечутся туда и сюда, на позорищѣ битвы; а остальное войско ихъ, не учавствовавшее въ этой сумасбродной бѣготнѣ, вмѣшивается въ нее своимъ громкимъ, протяжнымъ крикомъ. Дарій съ ужасомъ спросилъ, что́ такое случилось? Ему докладываютъ, что, въ промежуткѣ обѣихъ Армій, выскочилъ *заяцъ*—а Скиѳы за нимъ гоняются, какъ бѣшеные!

Неужто это зрѣлище не тѣшило Персовъ?—Нисколько!—Стремительное гарцованіе, дикій, отчаянный крикъ и дерзость, съ какою мужественные Скиѳы, на своей безпорядочной охотѣ, приближались иногда, на выстрѣлъ изъ лука и ближе, къ персидскому строю—вселяли глубокое уныніе и невольный страхъ въ потрясенный умъ и голодный желудокъ Персовъ. Имъ такъ и казалось, что отъ *зайца* зависитъ судьба этой битвы: если заяцъ бросится въ персидскіе ряды, то отчаянные Скиѳы, навѣрное, кинутся всѣ на этотъ пунктъ—и прорвутъ и замѣшаютъ персидскую линію. Всякій другой Полководецъ, не потерявшійся, воспользовался бы тотчасъ этимъ разстройствомъ боеваго порядка у непріятеля и повелъ

бы энергическую атаку; но Дарій, вѣроятно, думалъ, что сіе разстройство — выгода не большая; что при первомъ движеніи Персовъ, Скиѳы, по сигналу, бросятъ свою потѣху и какъ разъ очутятся въ прежнемъ порядкѣ. Наконецъ Дарій, обратясь къ своимъ приближеннымъ и указывая на Скиѳовъ, промолвилъ со вздохомъ: «Какъ жестоко надъ нами насмѣхаются! Какъ горько насъ презираютъ! Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что Гобріасъ разгадалъ смыслъ ихъ подарковъ! Велите войску отступить въ лагерь: не будемъ мѣшать Скиѳамъ рыскать за зайцами!»

Персы укрылись въ свой лагерь.

Очень можетъ быть, что этотъ потѣшный прологъ къ ожидаемой кровопролитной трагедіи—былъ дѣломъ *случая*! Однако, если принять въ соображеніе, что еще не приходила Вторая Армія скиѳская; что Идантирсъ, *до* прихода ея, не хотѣлъ дать битвы и, для того, убаюкивалъ врага военными хитростями и пожертвованіемъ ему нѣсколькихъ стадъ: то нельзя не подозрѣвать, и весьма основательно, что Царь Скиѳовъ и въ этотъ день не имѣлъ намѣренія сражаться, а нарочно *устроилъ* та-

кую потѣху, т. е. высадилъ пойманнаго зайца, нарядивъ, кому именно изъ воиновъ рыскать за зайцемъ — чтобъ насмѣхаться надъ Даріемъ, показать, какъ мало Скиѳы боятся его! Можно полагать навѣрное, что умный Полководецъ, который дотолѣ такъ превосходно, безъ потери для своего войска, выполнялъ планъ кампаніи — что этотъ Полководецъ не рѣшился бы дать битву *на авось*, и, задумавъ потѣху необыкновенную, принялъ всѣ мѣры, дабы мнимое разстройство его боеваго порядка не могло повредить ему нисколько. Какъ бы то ни было,—въ этотъ день, назначенный, по мнѣнію Дарія, для генеральнаго сраженія, Скиѳы натѣшились своимъ зайцемъ и посмѣялись надъ Великимъ Королемъ, испугавшимся этой натечки и спрятавшимъ въ свой лагерь— Персовъ, убитыхъ духомъ и утомленныхъ отъ голода!

Мы видимъ, до *какой* степени вѣроятно, что самъ Идантирсъ устроилъ эту потѣшную хитрость военную! Если дѣйствительно *такъ*, то опять нельзя не удивляться мѣткому уму сына Россіи: ничто не убиваетъ и сильнѣйшаго духомъ врага столько, сколько очевидное къ

нему — находящемуся уже въ тискахъ — презрѣніе противника, явленное какимъ нибудь *мелочнымъ* дѣломъ! Оглядываемся въ широкой области позднѣйшей, чѣмъ наши Скиѳы, Исторіи всемірной — и только въ римской Исторіи находимъ единый фактъ въ этомъ родѣ, могущій стать на ряду съ зайцемъ нашего Идантирса!

Аннибалъ стоялъ подъ стѣнами Рима, на берегу Аніо. Въ то самое время выступилъ изъ города, въ противоположную сторону, отрядъ вспомогательныхъ войскъ, назначенный въ Испанію. Аннибалъ только *изумился* смѣлости римскаго Правительства. Потомъ узнаетъ онъ отъ плѣннаго, что то самое поле, по которому раскинутъ его лагерь, продано въ Римѣ, въ тотъ же день, съ аукціоннаго торга — за настоящую цѣну, какъ будто бы не было на немъ грознаго Полководца, побивавшаго Римлянъ нà-голову! Этотъ знакъ насмѣшливаго къ нему презрѣнія Рима уязвилъ до уничтоженія могучій духъ Аннибала! Въ первую минуту бѣшеной досады, онъ, черезъ глашатая, зазывалъ къ себѣ охотниковъ торговать у него мѣняльныя лавки на римскомъ форумѣ; но,

вслѣдъ за тѣмъ, началъ свое отступленіе. Титъ-Ливій думаетъ, что этотъ аукціонный торгъ былъ дѣломъ случая. Нѣтъ! очевидно, что такую затѣю *устроилъ* Сенатъ, постигая въ своей мудрости, какое вліяніе нравственное должна была имѣть эта продажа какъ на Римлянъ, такъ и на самого непріятеля. Глубокой мудрости этого царственнаго Сената, которой удивлялся Министръ Царя Пирра, предшествовалъ столь же глубокій, вѣрный умъ нашего скиѳскаго Царя Идантирса.

Такъ же, какъ и Аннибалъ, уничтоженный въ душѣ обидною насмѣшкою врага, Дарій тотчасъ созвалъ опять военный Совѣтъ. Темою разсужденій было: «Мы въ великой опасности: какимъ образомъ намъ спастись?» — Тотъ же Гобріасъ, искусный толкователь скиѳской иносказательности, доказывалъ краснорѣчиво, что нѣтъ инаго средства, кромѣ безотлагательнаго, поспѣшнаго *тайнаго бѣгства!* О битвѣ съ Скиѳами нельзя было и подумать! Вотъ на какое уничтоженіе съѣхалъ Дарій, съ высоты своихъ завоевательскихъ и мстительныхъ, за покореніе Мидіи, помысловъ—и замѣтьте: *безъ*

потери битвы, единственно отъ искусныхъ маневровъ и дѣйствій скиѳскаго Царя!

Какимъ же способомъ привести въ исполненіе это жалкое бѣгство, укрыться отъ зоркаго Скиѳа? Гобріасъ предлагалъ слѣдующее средство: оставить въ лагерѣ, будто бы для защиты его, худшую часть Арміи, съ больными, и всѣхъ ословъ, объявивъ Приказомъ по войску, что самъ Дарій съ лучшими силами своими выступитъ, какъ только смеркнетъ, чтобы зайдти Скиѳамъ въ тылъ — и на разсвѣтѣ начать истребительное побоище. Остающейся въ лагерѣ Арміи велѣть также, съ своей стороны, учинить нападеніе на Скиѳовъ, когда они Великимъ Королемъ будутъ обращены въ бѣгство. Но, вмѣсто захожденія Скиѳамъ въ тылъ, форсированными маршами — какъ можно поспѣшнѣе — устремиться къ Дунаю, чтобъ опередить Скиѳовъ и разведеніе моста Іонійцами.

Дарій принужденъ былъ одобрить этотъ обиднѣйшій для него, но единственный способъ спасти себя и хотя часть своего войска; выступилъ съ лучшими силами, при самомъ началѣ ночи — и ну бѣжать къ Дунаю!

Оставленный въ персидскомъ лагерѣ корпусъ такъ и прямо вдался въ обманъ и принялся мечтать о завтрешней побѣдѣ, объ избыткѣ и удовольствіяхъ, кои будутъ послѣдствіемъ оной. Но *ослы* были умнѣе, догадливѣе: какъ только выступилъ Великій Король, они скотскимъ инстинктомъ почуяли людскую измѣну, персидское предательство... начали немилосердымъ образомъ кричать по ослиному — и продолжали во всю ночь этотъ непріятный крикъ, который томительно отзывался горькимъ упрекомъ въ душѣ бѣгущаго по скиѳскимъ степямъ Дарія. Персы же, оставленные въ лагерѣ, покамѣстъ не вразумились въ этотъ вѣщій крикъ.

Въ станѣ Скиѳовъ радость великая: Вторая Армія присоединилась къ Первой! Царь Идантирсъ повелѣлъ начать заутро рѣшительно-наступательныя дѣйствія и, если Персы не пріймутъ предлагаемой битвы, то атаковать ихъ въ самомъ лагерѣ.—Скиѳы, слыша необыкновенный неприрывный крикъ персидскихъ ословъ и приписывая это дѣятельнымъ къ завтрешней битвѣ приготовленіямъ въ персидскомъ лагерѣ, говорили между собою: «Тѣмъ лучше, что ослы

кричатъ безъ умолку: до утра, кони наши привыкнутъ къ этому крику! Ослы, видно, чуютъ, что заутро, со всѣмъ лагеремъ персидскимъ, они будутъ *наши*!»

Съ ранняго утра, Скиѳы, прождавъ нѣсколько времени въ боевомъ порядкѣ и, по видимому, не имѣя никакого затыльнаго врага, начали приближаться къ непріятельскому лагерю... Тогда-то догадались оставленные тамъ Персы, что они обмануты, выданы врагу — и, протягивая руки къ Скиѳамъ, жалобно вопили о пощадѣ. Въ одно мгновеніе занявъ лагерь Великаго Короля и распорядившись найденною тамъ богатою добычею, Скиѳы бросились преслѣдовать бѣгущаго, но конечно уже изъ глазъ ушедшаго Дарія. И безъ того бодрые духомъ, они извѣстіемъ о тайномъ, постыдномъ бѣгствѣ его были воспламенены до того, что, нашедши Персовъ, поступили бы съ ними безо всякой пощады. Не находя никакихъ слѣдовъ непріятельской Арміи, они все-таки продолжали, безъ роздыха, поспѣшный походъ по прямому пути, нагрянули на берегъ Дуная и тамъ узнали, что нѣтъ еще Дарія, который — вѣроятно — заблудившись съ первыхъ маршей по

степямъ, или умышленно устранившись, избѣгнулъ такимъ образомъ торопливаго непріятеля. Видя, что Іонійскіе Губернаторы еще караулятъ Дунайскій мостъ, Царь Идантирсъ послалъ спросить ихъ гнѣвно: для чего не исполняютъ они обѣщаннаго Скиѳамъ? И, если противъ нихъ имѣютъ враждебное намѣреніе, то онъ съ ними управится, какъ слѣдуетъ! — Хитроумный Губернаторъ Милетскій, Истіэй, боясь, какъ бы Скиѳы не заняли моста силою, тотчасъ нашелся и далъ слѣдующій отвѣтъ:

«По *первому* приглашенію Скиѳовъ, мы положили развести мостъ на *третій* день и отправиться во свояси; но на *другой* день получили изъ Греціи, куда посылали задолго до перваго прихода Скиѳовъ—повеленіе оракула: не оставлять моста *до полученія второй вѣсти изъ Скиѳіи*! — Мы, Греки, не смѣемъ ослушаться своихъ боговъ, боясь ихъ болѣе, чѣмъ людей! Но вотъ, теперь *второй* приходъ Скиѳовъ сюда и есть для насъ *вторая вѣсть* изъ Скиѳіи! Воля нашего бога исполнена — и мы сію же минуту пріймемся разводить мостъ!»

Дѣйствительно, онъ тутъ же и отдалъ приказаніе—и Іонійскіе матрозы, въ присутствіи

скиѳскаго посла, приступили къ разводкѣ моста, съ скиѳскаго берега — и Истіэй всячески нудилъ и торопилъ работниковъ. Видя такое, со стороны Іонійцевъ, усердіе къ угожденію Скиѳамъ, посолъ тотчасъ далъ знать о томъ Царю. Второй, посланный отъ него, глашатай, нашедши мостъ разведеннымъ уже на полвыстрѣла изъ лука, именемъ Царя всѣхъ Скиѳовъ поздравилъ Іонійскихъ Губернаторовъ съ независимостью отъ ига персидскаго и примолвилъ: «Мы теперь идемъ управиться *съ тѣмъ*, кто называется *Великимъ Королемъ* — и вскорѣ не будемъ властвовать ни надъ кѣмъ!» Іонійскіе Губернаторы отвѣчали поклономъ и Истіэй возопилъ: «Ты видишь, съ какою поспѣшностью мы разводимъ мостъ: доложи же объ этомъ Царю Идантирсу!» — Посолъ ускакалъ.

Когда мостъ былъ разведенъ на выстрѣлъ изъ лука, Истіэй приказалъ остановить работу, подъ предлогомъ, что уже поздно, что завтра докончатъ дѣло. «Какъ я радъ — произнесъ онъ, обратясь къ другимъ Губернаторамъ — что мы, на всякій случай, оградили себя отъ Скиѳовъ! Составимъ теперь совѣтъ и будемъ

разсуждать о томъ, что́ дѣлать: развести ли мостъ совсѣмъ и отправиться домой, или дожидаться, на полуразведенномъ мосту, какая участь постигнетъ Дарія.»

Совѣтъ собрался. Мильтіадъ, первый, подалъ голосъ: «Въ первое, по этому предмету, совѣщаніе я молчалъ, какъ вамъ извѣстно, для того, что исходъ сей скиѳской войны былъ еще сомнителенъ. Но теперь достовѣрно, что Дарій находится на бѣгствѣ, что Скиѳы торжествуютъ надъ нимъ, перегнали его на преслѣдованіи и, разведеніемъ этого моста заградивъ ему выходъ изъ Скиѳіи, проглотятъ его со всѣмъ остаткомъ персидскаго войска!.. Іонійцы! уже ли вы не воспользуетесь этимъ случаемъ, чтобы—безъ смутъ и кровопролитія —избавиться отъ чужеземнаго ига? Вспомните, что вы—Эллины, и что Эллинамъ не подобаетъ быть слугами или сатрапами Варваровъ! Погибель Дарія, въ степяхъ Скиѳіи, будетъ урокомъ для грядущихъ Властителей персидскихъ — не мечтать о завоеваніяхъ въ Европѣ; не считать себя всемогущими; не требовать *земли* и *воды* у всѣхъ извѣстныхъ народовъ! И такъ, да погибнетъ Дарій, по волѣ

боговъ, отъ мужества Скиѳовъ! Да погибнетъ онъ, для счастія Греціи и всей прочей Европы!...

Губернаторы, одинъ за другимъ согласились съ этимъ мнѣніемъ; одинъ Истіэй не согласился и возразилъ: «Сотоварищи мои! конечно *такъ*: наша Іонія будетъ независима отъ персидскихъ сатраповъ, а прочая Эллада избавлена всякаго опасенія, со стороны сильнаго врага! Но подумали ли вы о *самихъ себѣ*? Вы совершенно позабыли, что мы, въ своихъ областяхъ, губернаторствуемъ только по милости Великаго Короля! Если онъ пропадетъ въ Скиѳіи, то пропало и наше губернаторство—и мы останемся безъ власти, наравнѣ съ прочими гражданами. Пониженіе званія—анаморфоза въ прежнее *ничто*—очень горько! Оно и неестественно: это шагъ, или цѣлая стадія, *назадъ*! А человѣкъ рожденъ для того, чтобы все стремиться *впередъ*, выше!.. Буде же этого нельзя, то хоть удержаться на своемъ мѣстѣ! Поэтому мы должны не только не желать погибели Дарія, но—если отъ нашего моста зависитъ, можетъ быть, спасеніе его—то и вмѣнить себѣ въ непремѣнную, неизбѣжную обя-

занность *стеречь мостъ*, въ нынѣшнемъ его положеніи, обезопасившемъ насъ отъ Скиѳовъ! Явится ли Дарій на берегъ Истра, мы въ одно мгновеніе наведемъ эту часть моста—и Великій Король спасется... и осыплетъ насъ милостями! А если ему суждено *иное* въ степяхъ Скиѳіи, то мы и тогда успѣемъ разобрать остальную часть моста и съ безмолвною покорностью судьбѣ отплыть въ Понтъ Эвксинскій.»

Іонійскіе Губернаторы, подумавъ, всѣ—безъ исключенія—перешли на сторону Истіэя. Мильтіадъ грустно улыбнулся—и оставилъ Совѣтъ. Разсудивъ, что, если Дарій спасется какимъ-либо чудомъ, то ему—Мильтіаду—не сдобровать, въ возмездіе за поданное въ Совѣтѣ мнѣніе, благородный Аѳинянинъ, привыкшій собственную пользу свою подчинять общему благу, тотчасъ уѣхалъ въ свой Херсонисъ, и оттуда въ Аѳины.

Царь Идантирсъ, получивъ вѣсть, что Іонійцы усердно разводятъ Дунайскій мостъ, поспѣшилъ совѣщаться о томъ, по какому именно направленію искать бѣгущихъ Персовъ? Царская Дума разсуждала, что Дарій, по всей вѣ-

роятности, не возвращается тѣмъ путемъ, по которому проникъ въ Скиѳію, и на коемъ истреблено Скиѳами сѣно и засыпаны всѣ ключи и колодцы... Дарій, конечно, бережетъ свою конницу, надѣясь всего скорѣе спастись ею! Да и Скиѳамъ нельзя пуститься по тому направленію, чтобы коней не заморить! Дума положила идти на встрѣчу Персамъ по ближайшимъ отъ того пути областямъ, въ которыхъ уцѣлѣли ключи и колодцы, и фуражъ. Нельзя не предполагать, чтобы Дарій, имѣя у себя въ плѣну скиѳскихъ пастуховъ, предоставленныхъ ему Скиѳами, вмѣстѣ съ стадами, не избралъ этихъ пастуховъ путеводителями, и чтобъ они не повели его тѣмъ же удобнѣйшимъ путемъ. Скиѳы хлопотали о разводкѣ Дунайскаго Моста только на тотъ случай, еслибъ они, въ своихъ необозримыхъ степяхъ, разошлись съ Даріемъ; а при встрѣчѣ съ нимъ, почти несомнѣнной, Скиѳамъ не будетъ никакого дѣла до Дунайскаго моста, для совершеннаго истребленія врага. Поэтому понятно, что они не строже надзирали за исполненіемъ обѣщанія Іонійцевъ; а дожидаться Дарія на берегу Дуная и тамъ уничтожить Великаго Короля—показалось Ски-

ѳамъ менѣе славнымъ , нежели найдти и извести его въ обширныхъ степяхъ Скиѳіи, куда онъ смѣлъ проникнуть. Не теряя времени на Дунаѣ, они устремились на встрѣчу Дарію.

Вотъ опять одинъ изъ роковыхъ случаевъ , доказывающихъ, что и наилучшій умъ человѣческій всего предусмотрѣть не можетъ , и что вѣрнѣйшіе разсчеты его иногда разстроиваются демоническимъ капризомъ судьбы ! Дарій , дѣйствительно сбившійся съ пути на первыхъ переходахъ своего бѣгства, велѣлъ скиѳскимъ пастухамъ навести его на знакомый ему путь, по которому шелъ онъ въ Скиѳію , не взирая на страшную нужду , тамъ ожидавшую его ; предвидя , что тамъ всего менѣе можетъ онъ встрѣтиться съ Скиѳами и думая лишь о томъ, какъ бы унести изъ страшной Скиѳіи свою голову, да еще головы своихъ приближенныхъ и любимыхъ сатраповъ.—Можно ли винитъ Скиѳовъ, что подобный разсчетъ считали они невозможнымъ, невообразимымъ? А именно этотъ малодушный разсчетъ, въ соединеніи съ счастіемъ на бѣгствѣ—истинно-*наполеоновскимъ* — и спасъ Дарія , хотя и устилалъ путь его бѣгства развалинами персидской Арміи , поги-

бавшей отъ истомленія и голода въ пустынныхъ степяхъ. Продолжая бѣгство день и ночь, Дарій прибылъ ночью на Дунай и велѣлъ своему глашатаю — Египтянину съ голосомъ необыкновенно громкимъ—потрясать воздухъ именемъ Истіэя. Тотъ проснулся отъ богатырскаго клича , велѣлъ тотчасъ возстановить мостъ , а между тѣмъ послалъ Дарію нѣсколько судовъ —и могущественный Царь Персовъ торопливымъ бѣглецомъ , подъ кровомъ ночи , переправился съ ничтожнымъ остаткомъ своего когда-то великолѣпнаго войска ! Дунай былъ Нѣманъ Восточнаго Наполеона.

На разсвѣтѣ , Скиѳы въ третій разъ прилетѣли къ Дунаю и , увидѣвъ Дарія уже за рѣкою, метнули въ Іонійцевъ ѣдкую стрѣлу сатирическую , т. е. послали сказать имъ , что Іонійцы, какъ *Эллины*, суть презрительнѣйшіе изъ смертныхъ; но, какъ *рабы* Персовъ—первенствующіе изъ рабовъ, по полному самоотверженію ! — Согласитесь, что, и въ области сатиры , Скиѳы были превосходные лучники ! Такъ и сатирическая стихія нашего народа имѣетъ свое начало въ народности скиѳской— что́ мы уже замѣтили въ Анархасисѣ.

Не сердитесь, храбрые Скиѳы! Хотя Дарій и вынесъ изъ вашихъ степей свою голову, но тѣмъ не менѣе ваши военныя дѣйствія заслуживаютъ отмѣнную похвалу, вѣчную память въ Исторіи! Тѣмъ не менѣе достигнута цѣль вашихъ разсчетовъ и доказана гибелью исполинской Арміи, что иностранному Завоевателю не сдобровать на роковой почвѣ нашего Отечества!

Довольны ли вы трофеями нашей скиѳской охоты? Мы нашли у своихъ первобытныхъ предковъ, за шесть и за пять вѣковъ до Рождества Христова, *своего* Александра Македонскаго и *своего* мудреца Солона; наконецъ, въ прообразовательномъ видѣ, и Александра Благословеннаго — безсмертнаго Охранителя Отечества, въ нашествіе врага, стократъ страшнѣйшаго, чѣмъ Царь Персовъ!

Не очевидно ли, по всѣмъ свѣдѣніямъ, переданнымъ книгою Геродота о Скиѳахъ, по всѣмъ пріемамъ ихъ и молодецкимъ ухваткамъ, что эти первобытные сыны Россіи суть и предки нашихъ Славянъ? Для чего же мы отстраняемъ этихъ славныхъ предковъ, начиная свою Исторію общимъ шаткимъ обозрѣніемъ Славянъ,

не представляющимъ ни малѣйшаго результата ни для Руси, ни для Исторіи другихъ славянскихъ народовъ? Карамзинъ, правда, упоминаетъ о походѣ Дарія по Скиѳіи, но такъ бѣгло, что незнающій Геродота никакъ не подозрѣваетъ скиѳской *славы* этого похода, а еще менѣе догадывается о близкой родственной между Скиѳами и Славянами связи, не вызнанной Карамзинымъ. Этотъ достопамятный походъ требуетъ, для себя, теплой, краснорѣчивой странички въ Исторіи Руси—Исторіи, своимъ скиѳскимъ началомъ *старѣйшей*, нежели бытописаніе всѣхъ прочихъ въ Европѣ народовъ.

Идея, что Славяне, или — точнѣе: *Венеды*-Славяне были Скиѳы, *не нова*, но была излагаема довольно неловко и крайне недостаточно; тѣми же самыми погрѣшностями страждетъ и опроверженіе этой идеи Карамзинымъ (зри 32 примѣч. къ I тому его Исторіи). Славянѣ никакъ нельзя производить отъ *однихъ* Скиѳовъ! Нуженъ былъ *еще другой* элементъ, который и нашелся въ свое время. По окончаніи этой охоты, мы поведемъ правдивое слово о томъ, что Скиѳъ Геродотовъ, въ своей пер-

вобытной родинѣ, на берегахъ Чернаго Моря, пережилъ Филиппа, Митридата, династію Юлійскую и времена Антониновы; что къ доброму молодцу привели туда, на̀ домъ, изъ высокаго Сѣвера, красную невѣсту богатырскую; что сыграли такую свадьбу, отъ которой трижды огласилась вся Греція, и на коей старая дѣвственница Діана лишилась, въ *осьмой* разъ, своего міроваго чуда — знаменитаго храма въ Эфесѣ; наконецъ, что *дѣти* сей благословенной четы—*Славяне!* Родители ихъ поступили, какъ вообще поступаютъ иновѣрцы въ Россіи, когда отецъ—Лютеранинъ, а мать—Католичка, или на оборотъ: дѣтей крестятъ въ *русскую* Вѣру, о имени общаго Отечества. Отецъ — Скиѳъ и матъ—Сѣверянка, по *одному* достоинству, *обоимъ* въ равной степени принадлежавшему — по *славѣ* прозвали своихъ дѣтей! Мы ниже, послѣ охоты, поставимъ на видъ, что, кромѣ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ психологическихъ, и всякая историческая вѣроятность подтверждаетъ эту идею, результатъ которой мы сейчасъ приведемъ:

Скиѳскій элементъ есть *родитель* славянскаго—элементъ *творческій*, мужескій, кото-

рый, въ соединеніи съ стихіею *готскою* (норманскою или германскою тожъ) — со стихіею женскою—произвелъ *Славянъ!* Тамъ, гдѣ дѣти пошли въ *отца*-Скиѳа, явились Славяне *русскіе*; гдѣ въ дѣтяхъ преобладаетъ природа отцевстая, но все-таки сильно клонится и къ природѣ матери, тамъ видимъ мы Славянъ *заграничныхъ*. Гдѣ дѣти пошли въ *мать*, тамъ уродились всякіе *Нѣмцы!* Гдѣ, и въ новѣйшія времена̀, въ нашемъ Отечествѣ, скиѳо-славянскій элементъ проникаетъ стихію финскую и всякія другія, тамъ все обращается въ святую Русь; а тамъ, гдѣ обладательный сначала элементъ скиѳо-славянскій поглощаемъ стихіею *матери*, т. е. гдѣ заграничные Славяне обратились въ Нѣмцевъ, тамъ—въ сонмъ почтеннѣйшихъ Германцевъ, является и племя *Померанцевъ*—Поморянъ, Поморцевъ — какъ вамъ угодно — племя, которое не славится умомъ: *Pommer* (житель Помераніи) у Нѣмцевъ значитъ тоже, что̀ значилъ въ Греціи *Віоѳянинъ* (Béotien)! Но да утѣшатся простодушные Поммеры тѣмъ, что Віоѳія произвела Пиндара, Эпаминонда и Плутарха!

Пуризмъ въ родословной какого либо наро-

да — идея столь же нелѣпая и баснословная, какъ и рожденіе дитяти изъ головы, или лядвіи Зевеса, и оплодотвореніе Юноны отъ вѣтра, отъ салата, отъ прикосновенія къ какому-то цвѣтку. *Вѣтръ и цвѣтокъ*, какъ извѣстно, были *отцами* Вулкана и Марса: это еще сносно—и побуждаетъ къ замысловатому толкованію. Но чрезвычайно забавно, что Юнона, на пиру у Аполлона, объѣлась салата—и очреватѣла Гебою—чашницею Олимпа!... Берегитесь же этого поэтическаго салата, безъ *скиѳской* приправы: онъ какъ разъ вспучитъ — и мнимо-историческая Юнона ваша разсыплется чашниками! Куда дѣвать этихъ Ганимедовъ? Нектаръ ихъ, безъ сомнѣнія, нравится многимъ— но какъ ни очищенъ *научною* перегонкою, все-таки попахиваетъ тинктурою изъ лекарственницы богини *Сивы*, откуда, вѣроятно, происходитъ и напитокъ *сивуха*.

Оставимъ шутки. Производительный процесъ природы простъ и общепонятенъ: всякій народъ происходитъ отъ *разныхъ началъ*! Блаженъ тотъ народъ, въ которомъ прародительскій элементъ, по прошествіи тысячелѣтій, пре-

бываетъ столь свѣжъ и полонъ жизни, какъ въ нашемъ народѣ—Элементъ скиѳскій!

§ VIII.

Здѣсь мы можемъ кончить свою охоту скиѳскую, совершивъ сполна все, обѣщанное нами въ приступѣ къ ней. Кажется, мы исполнили болѣе, чѣмъ обѣщали, или чѣмъ ожидалъ недовѣрчивый читатель, пораженный *новымъ* для него, троякимъ блистательнымъ свѣтомъ въ темной Скиѳіи—темной отъ того, что дѣеписатели наши не вразумились въ дославянскую славу Скиѳовъ, въ ихъ великое для Россіи значеніе. У насъ же давно таилась эта идея, въ числѣ многихъ другихъ оригинальностей этого рода, еще не высказанныхъ; но мы долго не рѣшались промолвить слово въ новѣйшія времена Русской письменности... положеніе наше, въ толпѣ приверженцевъ не очень чистой, неблаговонной существенности походитъ нѣсколько на положеніе Анахарсиса, въ родномъ таборѣ, по возвращеніи изъ Греціи!... Не всуе употребляемъ имя безсмертнаго Скиѳа, съ которымъ мѣряться дерзаемъ—если не мудростью, то любовію къ Эллинизму, стремленіемъ къ чи-

стому человѣколѣпію и злополучіемъ житейскимъ—*атихіею*—въ нашемъ парнасскомъ таборѣ!.. Вы видите, *какъ* мы разгуляли эту атихію!

Охоту мы кончаемъ, но еще за нами *присказка*, весьма важнаго содержанія. Мы въ дальнемъ Отъѣзжемъ Полѣ, подъ небомъ Скиѳіи, на тѣхъ обширныхъ равнинахъ, гдѣ разгульно провели многія ночи нашей юности, у степнаго огонька. Надѣемся, что иной изъ нашихъ читателей согласится присѣсть къ этому огоньку — пробыть съ нами въ степи еще нѣсколько времени, предаваясь размышленіямъ, къ которымъ умъ невольно побуждается, при видѣ этой богатой скиѳской добычи.

Мы рѣшительно протестуемъ противъ одного изъ ученій нашей схоластики: будто бы *всѣмъ*, что́ совершаетъ какой-либо *геній*, обязанъ онъ лишь силѣ народа, дѣйствующей въ немъ. Тысячею примѣровъ можно бы доказать, что именно непреклоннымъ сопротивленіемъ могучему току народной жизни, или силы, во времена дикости, или неустройства, или паденія и разврата гражданственнаго — всего блистательнѣе развивается геній, дѣйствующій только соб-

ственною силою, дышащій свѣтомъ самосіяннымъ и ведомый только высшимъ духомъ, между тѣмъ, какъ, безъ этой благородной оппозиціи своего стремленія, геніальный умъ и не развился бы вполнѣ и, не могши удержаться на этой степени остановленнаго развитія, былъ бы поглощаемъ бездною обыкновенности. Не удаляясь отъ своего предмета, приведемъ хоть *одинъ* изъ этихъ тысячи примѣровъ, въ пользу оппозиціи и индивидуальнаго дѣйствія генія: что́, въ скиѳскомъ народѣ, отъявленномъ врагѣ всякаго просвѣщенія и, въ особенности, Эллинскаго, могло породить— *Анахарсиса*! Въ добавокъ, вотъ вамъ и другой примѣръ, у потомковъ тѣхъ же Скиѳовъ: *какая* сила народная и какое житейское направленіе *допетровской* Россіи могли дѣйствовать въ *Петрѣ Великомъ*? Напротивъ: геній Петра преодолѣлъ въ народѣ эту родовую скиѳскую ненависть къ просвѣщенію, возродилъ народъ и далъ ему житейское направленіе на вѣчныя времена! Но, съ другой стороны, мы отнюдь не отчуждаемъ генія отъ своего народа; охотно допускаемъ много таинственныхъ связей душевныхъ между ними, обоюдуполез-

ныхъ и при взаимной оппозиціи; мы вѣримъ, что искусными комбинаціями—т. е. соображеніемъ, сочетаніемъ и пріуподобленіемъ себѣ (ассимиляціею) различныхъ свойствъ и отдѣльныхъ силъ своего народа, геній пріобрѣтаетъ немаловажное подспорье своему самобытному развитію и творчеству, употребляя по *своему*, для производства изящнаго и великаго, грубый—но иногда *отличный*—матеріалъ, доставляемый ему *народомъ*. Необразованный отецъ можетъ имѣть преумнаго, геніальнаго сына, у котораго, лишь въ облагороженномъ видѣ, проявляются многія характеристическія черты отца. Видя, что народъ дикій, какъ наши Скиѳы, за шесть и за пять вѣковъ до Рождества Христова, въ небольшой промежутокъ времени, произвелъ *двухъ* равно великихъ, но совершенно различныхъ, геніевъ: своихъ Александра Македонскаго и Солона—какъ не согласиться, что въ такомъ народѣ таилась изумительная сила первобытная — и отмѣнная, неразгадная способность: производить разнородныхъ первостепенныхъ геніевъ. Если Анахарсису суждено было возвыситься геніемъ по закону противоположности, то—наоборотъ—защита Оте-

чества отъ персидскаго Наполеона была согласнымъ проявленіемъ и дѣйствіемъ особенной силы всенародной! Повторяемъ: всего удивительнѣе *краткость* періода *трехъ* столь величественныхъ проявленій: отъ возвращенія Скиѳовъ изъ Азіи до похода Дарія въ Скиѳію протекло *менѣе ста лѣтъ*!

Всѣ эти три проявленія, въ особенности же блистательно-оригинальная защита Отечества— такъ и наводятъ на умозаключеніе, что этимъ не могла ограничиться истинно-чудесная производительность скиѳской жизни, въ области превосходнаго; что сила народная долженствовала проявиться еще въ какомъ-либо замѣчательномъ видѣ, чѣмъ-то особеннымъ, возвышеннымъ въ самыхъ *нравахъ* народа—ибо для чего бы было приходить въ міръ, отдѣльными явленіями, возвышенному и геніальному, еслибы сіе возвышенное и геніальное не имѣло конечною цѣлью нѣчто морально-образовательное въ самомъ народѣ и вообще въ мірѣ — какой-нибудь прекрасный институтъ во нравахъ людскихъ?

Пороемся же въ архивѣ Исторіи и, увѣряю васъ, найдемъ несомнѣнное тому доказатель-

ство, что одно *чисто-человѣческое* чувство— изо всѣхъ трогательно-благороднѣйшее — достигло у дикихъ Скиѳовъ совершенства, какого не имѣло даже у Эллиновъ, прославившихся, въ числѣ столь многихъ прекрасныхъ качествъ, и *этимъ* чувствомъ! Да! наши дикіе Скиѳы завѣщали *намъ* — своимъ потомкамъ — чистѣйшій образецъ отношенія человѣка къ человѣку, — образецъ, передъ которымъ такъ называемыя *славянскія* добродѣтели (выраженіе нашей схоластики!) добродѣтели, не принадлежащія, впрочемъ, никакому народу исключительно, но общія всему человѣчеству—суть только блѣдныя тѣни! Скиѳы представляютъ Россіянамъ XIX вѣка, для подражанія и соревнованія, нѣчто столь превосходное, что одно уже приближеніе къ этому образцу будетъ безсмертною чертою характеристическою нашего великаго народа! Сіе превосходное можетъ проявляться у насъ въ формахъ болѣе мягкихъ и нѣжныхъ, вмѣсто дикой, возвышенной граціи, которою она такъ героически красуется у Скиѳовъ; но никакія формы не возвысятъ и не уменьшатъ цѣнности этого чувства, опредѣленной однимъ чистымъ содержаніемъ его. Вы видите, мы стараемся о

томъ, чтобы и присказка наша имѣла тѣже драматическіе интересъ и движеніе, которыми знаменовалась самая охота: иначе мы бъ и не дозволили себѣ продолжать рѣчь о Скиѳахъ, послѣ столь богатой добычи.

Прежде всего мы должны, на манеръ Аристотеля, *очистить* основу, т. е. *мѣсто дѣйствія* и, въ особенности, спасти отъ мнимоисторической погибели народъ, завѣщавшій намъ упомянутый образецъ превосходнаго; довести, съ критическою строгостью, существованіе этого народа до начала III вѣка нашего лѣтосчисленія, т. е. до прихода Готовъ на Днѣпръ, въ Украйну и наконецъ, на Черное море. Скиѳы Геродотовы, первоначальные настоящіе Скиѳы-*Сколоты* (какъ сами себя называли), не могли бы быть нашими предками, еслибы прекратилось *особенное* бытіе ихъ—до смѣшенія съ элементомъ готскимъ, ибо изъ этого смѣшенія выводимъ мы начало Славянъ.

Карамзинъ, на первыхъ страницахъ своей Исторіи, говоритъ, что могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать со временъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древняго Историка (Трога Помпея), одержалъ надъ ними

рѣшительную побѣду—доставившую ему однако, вмѣсто всякихъ другихъ трофеевъ, только 20,000 женщинъ и дѣтей; что Митридатъ, завладѣвъ Воспорскимъ царствомъ, утѣснилъ и Скиѳовъ; что» Геты—народъ Ѳракійскій — побѣжденные Александромъ Великимъ на Дунаѣ, отняли у Скиѳовъ всю землю между Дунаемъ и Днѣпромъ (ссылка на Діона Хризостома); что «наконецъ Сарматы, обитавшіе въ Азіи, близъ Дона, вступили въ Скиѳію и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей или присоединили къ своему народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ исчезло для Исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ.» (Тутъ, въ примѣчаніи, приведено изъ Діодора нѣсколько строкъ, въ латинскомъ переводѣ.)

Такимъ образомъ нашъ почтенный Исторіографъ, по замѣчательной *ошибкѣ*, которую мы сейчасъ докажемъ, спровадилъ безъ церемоній, со сцены Исторіи, нашихъ славныхъ Скиѳовъ — и перешелъ къ Сарматамъ. Ошибка сія тѣмъ важнѣе, что—безъ нея, вѣроятно, Скиѳы Геродотовы уже давно были бы признаны у насъ

за прямыхъ предковъ Славянъ, по крайней мѣрѣ *Русскихъ*. Начнемъ вопросомъ: что́ значитъ весьма сомнительное свидѣтельство *такихъ* писателей, каковы Галлъ Тр: Помпей и высокопарный ораторъ Діонъ Хризостомъ? Всѣмъ извѣстно, что у перваго изъ нихъ—современника Августова, встрѣчаются грубыя ошибки историческія, въ сокращеніи Юстина: подлинникъ же до насъ не дошелъ. Но допустимъ—если этого непремѣнно хотите—что Филиппъ Македонскій, одержавъ побѣду не храбростью, а *хитростью* (такъ именно сказано), захватилъ 20,000 скиѳскихъ женъ и дѣтей, и что Геты заняли нашъ Черноморскій берегъ отъ Дуная до Днѣпра: не могли же сильные и своею многочисленностью Скиѳы ослабѣть отъ этой утраты женъ и дѣтей, и все-таки оставалось еще, для Скиѳовъ, порядочное пространство отъ Днѣпра до Дона и во внутрь Россіи! Свидѣтельство Діодора, какъ Историка, важнѣе; но именно изъ *Діодора* мы и докажемъ ошибку Карамзина, относительно пресѣченія *особеннаго бытія* Скиѳовъ!

Діодоръ, современникъ Юлія Цесаря и Августа, говоритъ (кн. II § 43), что Скиѳы первоначально жили на берегахъ Волги (Аракса)

—это согласно со сказаніемъ Геродота; что, умножившись до значительнаго числа, они силою и мужествомъ, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ Царей, воинственнаго и искуснаго въ дѣлѣ ратномъ, завоевали все пространство до Кавказа и до Азовскаго Моря; потомъ, распространивъ свое владычество: съ одной стороны до Ѳракіи, а съ другой—до Моря Каспійскаго и до Египта (просимъ вспомнить походъ Царя Мадіаса), славные Цари Скиѳовъ дали *свое имя* Сакамъ, Массагетамъ, Аримаспамъ и другимъ; что изъ среды побѣжденныхъ Скиѳами народовъ высланы были Колоніи: 1) ассирійская — въ земли, лежащія между Пафлагоніею и Понтомъ; 2) Мидійская, отправленная на берега Дона. «Отъ сей послѣдней происходятъ Сарматы, или Савроматы, которые впослѣдствіи опустошили большую часть Скиѳіи» (все-таки только *часть!)* побили жителей и почти всю страну превратили въ пустыню.»

Вотъ все, что́ говоритъ Діодоръ о нашествіи Сарматовъ! Откуда же взялась вѣсть у Карамзина, что «Сарматы присоединили Скиѳовъ къ своему народу» и что «*особенное*

бытіе Скиѳовъ исчезло для Исторіи?» Очевидно, что Исторіографъ имѣлъ подъ глазами только *послѣднія строки* этого 43-го параграфа и ими воспользовался по произволу! Не то, онъ изъ слѣдующаго (44) параграфа усмотрѣлъ бы, что всѣ вышесказанныя событія Діодоръ относитъ къ эпохѣ, *предшествовавшей* временамъ *Кира* Великаго, ибо этотъ слѣдующій параграфъ начинается сими словами: «*Послѣ* тѣхъ событій, Скиѳія была предана анархіи; воцарялись тамъ женщины, отличныя своимъ мужествомъ» и прочая. Одна изъ этихъ царицъ была *Томира*, мнимая побѣдительница Кира! Геродотъ—четырьмя вѣками и болѣе—ближайшій, чѣмъ Діодоръ, къ описаннымъ здѣсь событіямъ, повѣствуетъ, что Сарматы произошли отъ соединенія скиѳскихъ юношей съ Амазонками; а Амазонки, какъ говоритъ самъ Діодоръ, образовались въ *Скиѳіи*, по примѣру героинь-царицъ ея: слѣдовательно, Сарматы—*чистые Скиѳы*, по отцахъ и по матеряхъ—и тотъ споръ съ другими Скиѳами, если дѣйствительно состоялся когда-либо, былъ не иное что, какъ скиѳская междоусобица! Какъ бы то ни было, но поелику Дарій, который втор-

гнулся въ Скиѳію и едва спасся отъ *Скиѳовъ*, есть уже *третій* преемникъ скиптра Кирова, а Геродотъ, лично посѣтившій своихъ Скиѳовъ-Сколотовъ,—цѣлымъ *столѣтіемъ* моложе Кира —то и Скиѳы наши, покамѣстъ, пребываютъ въ вожделѣнномъ здравіи, вопреки истребительной фразѣ Карамзина, и *особенное бытіе* этихъ Скиѳовъ въ Исторіи обозначится еще на концѣ II вѣка нашего лѣтосчисленія — долго, очень долго послѣ мнимаго исчезновенія ихъ въ Исторіи!

При всемъ нашемъ уваженіи къ Діодору, мы однако должны замѣтить, какъ мало, въ *этомъ* случаѣ, можно на него положиться: повѣствованіе его о чудномъ Островѣ Гипербореевъ, съ котораго мѣсяцъ кажется столь близкимъ къ землѣ, что явно различаютъ измѣненія почвы его; о томъ, что, на семъ Островѣ, Аполлонъ пляшетъ по ночамъ, играя на киѳарѣ и проч. — тому подобныя враки не обращаютъ ли въ чистое баснословіе и весь, тутъ же находящійся, разсказъ о Скиѳахъ! А если современникъ Юлія Цесаря и Августа подчиваетъ насъ только баснями о нашихъ предкахъ, то и позднѣйшіе писатели римскіе подавно не могли знать

о нихъ ничего достовѣрнаго, именемъ Сарматовъ—ближайшихъ къ нимъ *Скиѳовъ*—заслоняя прочія племена сего народа. Наоборотъ, оттого что, по невѣдѣнію же, наименованіе Скиѳовъ глухо относилось ко всѣмъ малоизвѣстнымъ народамъ Сѣвера, наши Черноморскіе Скиѳы-Сколоты нисколько не пострадаютъ! Мы должны вѣрить только такому писателю, который, находясь въ сосѣдствѣ нашихъ Скиѳовъ, могъ видѣть ихъ — и дѣйствительно видѣлъ и съ ними обращался; кромѣ того, писатель этотъ долженъ быть извѣстенъ всему міру своею неподкупною любовію къ истинѣ. Мы руководствуемся строго сими двумя непремѣнными правилами, отыскивая *превосходное*, читателямъ предвозвѣщенное о нашихъ Скиѳахъ.

Опровергнувъ мнѣніе Карамзина, касательно погибели нашихъ Скиѳовъ за сто лѣтъ, или болѣе, до Рождества Христова, мы остались покуда, у Геродота, который своимъ Скиѳамъ-Сколотамъ отмѣриваетъ, вдоль Черноморскаго берега: отъ Дуная до Днѣпра — десять дней пути, и столько же отъ Днѣпра до Дона — и другіе двадцать, съ обѣихъ сторонъ, прямою линію во внутрь Россіи, полагая на день пути

двѣсти олимпійскихъ стадій, такъ, что Скиѳы занимали довольно правильный четвероугольникъ въ 4000 стадій. (Олимпійская стадія имѣла 250 обыкновенныхъ шаговъ: шесть стадій—верста!) Вслѣдъ за Геродотомъ, младшій современникъ его—явился строгій, правдолюбивый Ѳукидидъ, который, въ началѣ своей Исторіи, очевидно въ Отца Геродота пускаетъ стрѣлу, говоря о Историкахъ, выдающихъ частенько за правду сказанія невѣроятныя, или временемъ искаженныя до баснословія. Поэтому очень важно для насъ, что внушенное намъ Геродотомъ мнѣніе о могуществѣ Скиѳовъ подтверждается вполнѣ сими словами Ѳукидида: «Въ Европѣ нѣтъ ни единаго народа, равнаго Скиѳамъ въ могуществѣ, въ силѣ ратной; и даже въ Азіи нѣтъ державы, которая могла бы имъ противостоять, еслибъ они (т. е. всѣ отдѣльныя ихъ племена) были соединены.» (кн. II, § 97) Слава Богу, наша Удѣльная система давнымъ давно миновалась; мы *соединены*.... слова Ѳукидида о Скиѳахъ такъ и прямо относятся къ Россіи, со временъ Іоанна III!

Шесть вѣковъ послѣ Ѳукидида, у столь же правдиваго, столь же достовѣрнаго — какъ и

онъ—писателя, въ благословенныя времена Антониновъ, находимъ мы своихъ Скиѳовъ-Сколотовъ на томъ же мѣстѣ, въ сосѣдствѣ Воспорскаго Царства! Изъ этого можно заключить основательно, что такой могущественный, матерой народъ пріуподобилъ себѣ—*оскиѳилъ*—всѣ сосѣднія племена, и этимъ легко и естественно объясняется, почему славное *имя* его распространилось вскорѣ на *не*-скиѳскія, по Геродоту, племена и до того сдѣлалось *общимъ*, въ послѣдствіи времени, что наконецъ, у позднѣйшихъ писателей, этимъ завѣтнымъ для насъ именемъ почтили—даже *Татаръ*, совершенно чуждыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, нашимъ первобытнымъ Скиѳамъ-Сколотамъ. Но такъ какъ, по всей вѣроятности — владычество или, по крайней мѣрѣ, пріуподобительное вліяніе Скиѳовъ доходило, съ одной стороны: до источниковъ Днѣпра, до Нѣмана, даже до Вислы, оканчиваясь Венедами; а съ другой стороны: до морей Каспійскаго и Аральскаго, до рѣкъ Окса и Яксарта—то, конечно, нѣкоторыя дикія племена *этой* части свѣта, носившія знаменіе Скиѳовъ, могли участвовать въ войнахъ между Ира-

номъ и Тураномъ, и потомъ слиться съ сонмомъ Татаръ и Монголовъ.

Маркъ-Аврелій скончался въ 180 году нашего лѣтосчисленія. Извѣстно, что тяжелая война Маркоманская, которую онъ велъ, произошла, по бо̀льшей части, отъ давленія Сѣверныхъ варваровъ на дикихъ сосѣдей Римской Имперіи. Эти варвары Сѣвера—*Готы*, по крайней мѣрѣ за два столѣтія дотолѣ переплывшіе Балтику и тянувшіеся тогда изъ Пруссіи на Днѣпръ и въ нашу Украйну. Писатель греческій, на котораго сошлемся, въ доказательство существованія Скиѳовъ-Сколотовъ въ исходѣ II вѣка, жилъ еще при сынѣ Марка-Аврелія, при Императорѣ Ко̀ммодѣ, и занималъ важную должность въ одной изъ римскихъ провинцій, въ Египтѣ. И такъ мы очутились у *самыхъ воротъ* третьяго вѣка!

На постепенное движеніе Готовъ изъ Украйны до нашихъ Черноморскихъ береговъ; на *одолѣніе* надъ обитавшими тамъ Скиѳами-Сколотами, или на дружественное съ ними *соединеніе*—(какъ вамъ будетъ угодно: мы ниже увидимъ, которое изъ сихъ двухъ *вѣроятнѣйшее!*)—надо же считать нѣсколько лѣтъ—и

мы достигли эпохи, въ которую совершались знаменитые, такъ называемые *готскіе* походы морскіе изъ нашихъ черноморскихъ пристаней въ восточныя Провинціи Рима: набѣги на Грецію, взятіе—между прочимъ, и Аѳинъ и, какъ мы уже сказали, осьмое разрушеніе храма Діанина, въ Ефе́сѣ. Стало быть *достовѣрно*, что Геродотовы Скиѳы-Сколоты *дожили* до встрѣчи съ *Готами*, въ своей коренной вышеозначенной Скиѳіи! Болѣе намъ и не надобно, чтобы присудить нашимъ *прямымъ предкамъ* въ *Россіи* то превосходное, которое еще узна́емъ о Скиѳахъ! Всѣ событія въ нашемъ Отечествѣ, *послѣ* этой встрѣчи, нисколько не помѣшаютъ: Сарматы *Скиѳы*, какъ мы видѣли; Роксолане, Язиги, Аланы были Сарматы, т. е. тѣже *Скиѳы!* По минованіи Гуннской грозы, именемъ Антовъ, признанныхъ въ послѣдствіи за Славянъ, обозначается элементъ *скиѳскій*, въ борьбѣ не со стихіею Готскою, а съ жестокостью Готскаго Царя въ Россіи — Винимара. Потомъ являются Угры и Болгары—очевидно, Волжскіе и Уральскіе *Скиѳы*, только по невѣдѣнію Грековъ и Готовъ въ Италіи названные у нихъ племенами Гуннскими, ради страха сего имени и

прихода съ той же стороны; а къ Уграмъ и Болгарамъ примыкаютъ *Славяне!*

Остается рѣшить, какимъ — самымъ вѣроятнымъ—образомъ обошлась встрѣча двухъ столь воинственныхъ народовъ, каковы Скиѳы и Готы, соединеніе коихъ породило Славянъ? Если бы Скиѳы и Готы сшибались оружіемъ, то отчаянная борьба двухъ сильнѣйшихъ, въ тогдашнее время, народовъ отозвалась бы, безъ всякаго сомнѣнія, въ греческихъ и латинскихъ писателяхъ; но Исторія, по сему предмету, безмолвствуетъ! Мы замѣтили выше, что крайними Скиѳами въ Германіи были *Венеды*, на рѣкѣ Эриданѣ, въ отечествѣ янтаря. Они были первое скиѳское племя, на которое наткнулись Готы, при переѣздѣ изъ Скандинавскаго Полуострова, и которое отличалось, по словамъ Іорнанда, болѣе своею многочисленностью, нежели искусствомъ воинскимъ: по мѣрѣ удаленія отъ коренныхъ царственныхъ Скиѳовъ, воинскій духъ долженствовалъ быть *слабѣе*. Никакъ нельзя предполагать, чтобы преданія о походѣ въ Азію, и — въ особенности — о славномъ отраженіи Дарія были неизвѣстны племенамъ скиѳскимъ, или даже полускиѳскимъ! Поэтому Готы уже отъ Ве-

недовъ, вѣроятно, не споривпшихъ съ воинственными выходцами, узнали, сколь страшенъ коренной народъ скиѳскій, обитавшій на берегахъ Чернаго Моря, куда стремились Скандинавскіе выходцы.

Здѣсь можно привести первый важный аргументъ въ пользу идеи, что отъ дружескаго соединенія Готовъ со Скиѳами происходятъ Славяне: *Венеды,* у которыхъ Готы провели два вѣка, оказываются, по лѣтописямъ, *старѣйшими* изъ *Славянъ!* Слышанное отъ Венедовъ о коренныхъ Скиѳахъ, конечно, подтверждалось болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія Готовъ къ Украйнѣ: такъ могли ли они надѣяться болѣе успѣть оружіемъ противъ Скиѳовъ, чѣмъ успѣлъ могущественный Царь Азіатскій? И *какой же,* въ случаѣ крайне сомнительнаго успѣха, можно бы было ожидать *добычи* у Скиѳовъ, не имѣвшихъ ничего, кромѣ стадъ и рабовъ? Слѣдовательно: благоразуміе, двухвѣковое ихъ съ Венедами сліяніе и разсчетъ на *вѣрнѣйшіе* успѣхи должны были внушить Готамъ мысль: соединиться дружески съ Скиѳами, прельщая ихъ своимъ знаніемъ мореходства и обѣщаніемъ дивныхъ—конечно Скиѳамъ извѣстныхъ — бо-

гатствъ въ восточныхъ предѣлахъ Имперіи римской. Путеводители, — можетъ быть, и значительные отряды Венедовъ—вѣроятно провожали, по скиѳскимъ селеніямъ, шествіе Готовъ до Украйны: тѣмъ удобнѣе устроилось соединеніе сихъ послѣднихъ съ царственными Скиѳами!

Въ пользу этого миролюбиваго соединенія говоритъ замѣчательный аргументъ: *герои* тѣхъ черноморскихъ экспедицій именуются всегда у Іорнанда и Латинскихъ авторовъ—*Готами*, а у Зосимы и греческихъ писателей — *Скиѳами!* Іорнандъ, или—правильнѣе, Кассіодоръ, первый Министръ славнаго готскаго Царя Теодорика въ Италіи, долженъ былъ, изъ *политики*, приписать *однимъ Готамъ* тѣ громкіе подвиги; но Зосима и другіе Греки не имѣли никакой причины присуждать Скиѳамъ не принадлежавшую имъ славу; а называютъ они *однихъ* Скиѳовъ по двумъ, очень понятнымъ причинамъ: во 1-хъ, они не считали важнымъ соединеніе Готовъ со Скиѳами, издревле славными своимъ могуществомъ и пріуподобленіемъ себѣ многихъ не скиѳскихъ племенъ, если и дошла до нихъ вѣсть объ *этомъ* соединеніи; во 2-хъ, Готы-моряки были, конечно, матрозами и штурманами на

этихъ флотахъ, а высадное войско, главное орудіе опустошенія восточно-римскихъ областей—состояло, вѣроятно, по бо́льшей части, изъ потомковъ тѣхъ Скиѳовъ, которые когда-то владычествовали въ Азіи. Къ тому еще, эти флоты гото-скиѳскіе приходили отъ береговъ славной Скиѳіи.—Греки, зѐмли которыхъ были позорищемъ сихъ походовъ, вѣрнѣе чѣмъ Готы въ Италіи, должны были знать истину. Скиѳоготское соединеніе, произведшее Славянъ, разумѣется, не мало способствовало быстрому родственному сліянію и потомства этихъ Славянъ Варяго-Руси; *три* скиѳо-готскіе походы морскіе соотвѣтствуютъ такимъ же *тремъ* походамъ: Аскольда и Дира, и Олега и Игоря, въ туже сторону! На сихъ послѣднихъ походахъ, да и на казачьихъ экспедиціяхъ черноморскихъ отражается вдоволь, какъ удачно царственные Скиѳы переняли у Готовъ искусство и удивительную смѣлость мореходства.

Въ пользу этой идеи о происхожденіи Славянъ, мы приводимъ, какъ бы шутя, важные аргументы; приведемъ ихъ еще нѣсколько. Готская стихія на Руси достигла своего апогея въ царствованіе Эрманарика: молодой Скиѳъ—су-

пругъ будто подчинялся вліянію своей женки; но вскорѣ содѣлался полнымъ хозяиномъ въ домѣ: Анты поспорили съ Виннтаромъ, наслѣдникомъ Эрманарика — и поставили *на своемъ.* Послѣ этого исчезаютъ на Руси Скиѳы и Готы; остаются одни *Славяне!* Конечно, они не выросли изъ земли, не упали съ небесъ и не могли всѣ прійдти изъ чужихъ краевъ! Чьи же они — дѣти, какъ не Скиѳовъ и Готовъ?

Тѣ Славяне, которые, по сказанію Нестора, издревле обитали въ Мизіи и Панноніи, были— вѣроятно—увлечены туда странническимъ, болѣе *готскимъ* духомъ своихъ родичей, бросавшихся, съ той стороны, на римскую Имперію— и съ Дуная только *возвратились* на Русь. Скиѳскій элементъ выражается наиболѣе въ Славянахъ Россійскихъ вообще: отъ того, изъ Славянъ они *одни* основали, на вѣчныхъ началахъ, самобытное Государство, достойное древней славы Скиѳовъ Геродотовыхъ. Ляхи смастерили было что-то, въ родѣ Королевства, на ложныхъ идеяхъ, на рѣзкихъ противорѣчіяхъ — и оно должно было распасться. Часть Ляховъ и всѣ прочіе Славяне суть подданные Германіи или Турціи! Въ особенности же, этотъ прео-

бладательный у насъ элементъ скиѳскій выразился — въ нашемъ народѣ Казачьемъ и въ трехъ рѣзко-оригинальныхъ типахъ, въ трехъ яркихъ лицахъ нашей Исторіи, отъ первыхъ до новѣйшихъ временъ Руси: Въ *Святославѣ* — мы видимъ дикій героизмъ Скиѳа! Въ нашемъ *Петрѣ*—дикое добродушіе (bonhomie) и міро-побѣдительную геніальность (въ русскихъ Славянахъ долженъ былъ родиться величайшій изъ геніевъ славянскихъ)! Въ *Суворовѣ*—богатырскую простолюдскость и тактику истинно скиѳскія (опять только у Русскихъ могъ родиться величайшій изъ полководцевъ славянскихъ)!

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что именно наши *Казаки*, подъ тогдашнимъ названіемъ Торковъ и Берендѣевъ оставшіеся независимыми отъ власти Татаръ—людьми вольными—и, напослѣдокъ, возвратившіе Малороссію нашему Отечеству, хранили въ своихъ учрежденіяхъ святыню скиѳскаго духа, вновь исходившаго, во времена болѣе счастливыя, на всѣхъ русскихъ Славянъ... и что *эти* же Казаки занимали всегда — и по нынѣ занимаютъ—исконное жительство нашихъ Скиѳовъ - Сколотовъ: этотъ предметъ стоилъ бы отдѣльнаго, подробнаго развитія!

Довольно аргументовъ! Повторяемъ: гдѣ невозможны доказательства аподиктическія, за общепризнаннымъ *невѣдѣніемъ* иностранныхъ Историковъ и за *безграматностью* славянскихъ племенъ той эпохи, тамъ весьма достаточны, при полной исторической вѣроятности, приведенные нами аргументы и доказательства психологическія. Положимъ, Скиѳы или Славяне, вѣковъ за пять или болѣе до Нестора—имѣли бы своего темнаго лѣтописца: неужто одинокое свидѣтельство *такого* лѣтописца о происхожденіи Славянъ отъ смѣшенія Скиѳовъ съ Готами — могло бы имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ вышеприведенные аргументы и доводы? Чтобы держаться подобнаго мнѣнія, надобно быть вмѣстѣ — и отъявленныхъ скептикомъ, по части умозаключеній, и полнымъ легковѣромъ, относительно всякой старинной хартіи.

§ IX.

Слава Богу, мы широко во всѣ стороны очистили мѣсто вокругъ древняго автора, отъ котораго узнаемъ послѣднее—превосходнѣйшее— о нашихъ Скиѳахъ. Авторъ этотъ — конечно, читатели уже давно догадались—*Лукіанъ!* Всѣ

знаютъ его по репутаціи, какъ неутомимаго гонителя всякой неправды, аффектаціи, софистики, всякой суевѣрной дури, которою, до ужасающей степени, знаменовался наисчастливѣйшій для человѣчества, относительно высшаго Правленія, періодъ всемірной Исторіи — вѣкъ Антониновъ. Геній того времени былъ, по выраженію Виланда, словно *шальной*, когда Лукіанъ возсталъ на него съ единственнымъ оружіемъ, противъ котораго не выдержитъ очарованный панцырь мистическихъ, и всякихъ умственныхъ и сердечныхъ, обмановъ—съ острою, мѣткою насмѣшкою здраваго ума человѣческаго! Поэтому, авторъ нашъ слыветъ—величайшимъ насмѣшникомъ! Сатира его, въ самомъ дѣлѣ, уничтожительна... убійственнѣе, можетъ быть, чѣмъ была недошедшая до насъ сатира Иппонакта (Hipponax): отъ сей послѣдней вѣшались только *смертные*, ею пораженные; отъ Лукіановой же повѣсился весь разгульный безсмертный Олимпъ, съ своимъ «Оконфуженнымъ Зевесомъ.» Тѣ немногіе, кто у насъ лично знаетъ Лукіана, называютъ его — *Вольтеромъ* того времени! Правда, такая же свѣтлая, холодная головушка! Но, будьте справедливы,

скажите: Вольтеръ съ *сердцемъ*, чего не доставало *французскому!* Этотъ послѣдній пунктъ для насъ чрезвычайно важенъ, ибо только *сердцемъ* достигается и оцѣнивается то превосходное, что Лукіанъ возвѣститъ намъ о Скиѳахъ. Поэтому мы должны очистить отъ мірскихъ предубѣжденій и *осердіе*, или *предсердіе*—praecordia, т. е. *плацъ* передъ сердцемъ Лукіановымъ, показать, что оно — *есть*... и сердце, въ высшемъ значеніи этого слова!

Самый характеръ насмѣшки, образъ выраженія ея служитъ уже достаточнымъ знаменіемъ: насмѣхаетесь ли вы лишь по пустой охотѣ къ сатирѣ, сознавъ въ себѣ и употребляя во зло талантъ этого рода, или сатира ваша имѣетъ глубоко-нравственное побужденіе и цѣль возвышенную? Что́ можетъ быть безсердѣе насмѣшекъ Вольтеровыхъ? А какимъ благороднымъ, чисто-нравственнымъ негодованіемъ на развращеніе Рима дышитъ Лукіановъ «Нигринъ!» Или, какъ величественно-поразителенъ Лукіанъ въ жесткихъ словахъ, произносимыхъ подлѣ костра, на которомъ ночію, въ Олимпіи, предо всею Греціею, совершается самосожженіе Перегрина Протея—въ молніеносныхъ словахъ, гре-

мящихъ передъ толпою, одержимою благоговѣніемъ къ безумному поступку тщеславнаго самообманщика! Чуешь подавленную слезу человѣческаго сожалѣнія о безумцѣ—въ грозной противъ него Филиппикѣ! Этотъ болѣзненный смѣхъ Сатирика не иное чтó, какъ добросовѣстная борьба съ соблазномъ столь убѣдительнаго, для незрящихъ умомъ, столь эффектнаго примѣра! Чтó можетъ быть соблазнительнѣе тщеславной хитрости: жизнь весьма *нечистую* покрыть отъ міра, иллюминовать для Исторіи —такимъ яркимъ концемъ!

Все это—скажете вы, можетъ быть,—обличаетъ строгую любовь къ истинѣ, уваженіе къ нравственности, но все-таки есть только косвенное доказательство, въ отношеніи къ *сердцу* чувствительному! Нѣтъ-ли сему послѣднему доказательства *прямаго?* —Есть!

Мы выше (на концѣ § II) упомянули о «Демонаксѣ». Безъ этой біографической статьи Лукіана, мы бы не знали даже *имени* сего совершеннѣйшаго, по мнѣнію біографа, и добродѣтельнѣйшаго философа своего времени. Не горько ли, что память и чистѣйшей добродѣтели *пропадаетъ* для потомства, когда она

не соприкасается съ событіемъ міровымъ, какъ соприкосалась Катонова! Это зналъ Лукіанъ. Мысль о сохраненіи памяти подобнаго человѣка, съ которымъ онъ долго обращался, изобличаетъ въ біографѣ сердце благородное, полное любви къ человѣчеству. Изумительная простота и отрывочность придавали бы этой біографіи величайшую достовѣрность, если бы мы и не знали такъ коротко трезваго, строгаго, правдолюбиваго Лукіана. Даровитый писатель отказался отъ всѣхъ своихъ блистательныхъ способовъ изложенія, чувствуя, что факты, краснорѣчивѣйшіе всякихъ словъ, должно передавать какъ можно *проще* — и онъ передаетъ одни голые факты, одни краткія изреченія! — Вѣроятно никто, безъ глубокаго умиленія, не читалъ того мѣста, гдѣ Демонаксъ, далеко пережившій лѣта, опредѣленныя для вѣка людскаго, заходитъ въ любой по дорогѣ домъ, обѣдаетъ тамъ и ночуетъ — и радушные хозяева благоговѣйно воображаютъ видѣть въ немъ — нѣкоего добраго генія! Онъ проходитъ по улицѣ мимо булочницъ: одна у другой вырываетъ его и подчиваетъ булками — и та считаетъ себя счастливою, отъ которой

старецъ принялъ душевное даяніе. Даже ребятишки суютъ ему фрукты въ руки и называютъ его — *отцемъ*! Здѣсь приведемъ опять Виланда: «Не знаю, — говоритъ онъ по этому случаю — есть ли умилительно-прекраснѣйшія черты человѣколюбія и добродушія во всей Исторіи рода человѣческаго? Было бы достаточно уже *одного* этого мѣста, чтобы *полюбить* Лукіана, ибо безъ *сердца*, способнаго къ нѣжнѣйшимъ чувствамъ чисто-человѣческихъ отношеній, онъ не могъ бы *этихъ* чертъ ни примѣтить, ни выразить подобнымъ образомъ!»

Сущая правда!.. *Сердце* Лукіаново выставлено во всемъ достоинствѣ своемъ! Еще одинъ шагъ — и мы услышимъ отъ этого неподкупнаго и по всѣмъ правамъ судящаго Эллина — превосходнѣйшее о нашихъ предкахъ!

Въ той же статьѣ біографической, авторъ говоритъ о Демонаксѣ: «Единственное, что причиняло ему скорбь глубокую—была болѣзнь или смерть друга: онъ считалъ высшимъ въ жизни благомъ—*дружбу*!» По этой важности и простотѣ выраженія нельзя не чувствовать, что Лукіанъ тутъ высказываетъ и собственное мнѣніе свое о дружбѣ и всю свою способность

къ ней. Да! страшный гонитель всякой лжи, насмѣшливый палачъ всякихъ корыстолюбивыхъ хитростей и обмановъ оказывается возвышеннымъ, *чувствительнымъ* сыномъ истины, считая дружбу высшимъ въ мірѣ благомъ, ища его всюду и находя его—внимайте, ради Бога—находя сіе высшее благо житейское, какъ *институтъ народный* — у нашихъ *Скиѳовъ*! Gloria in tesquis Scythiae! (Слава во степяхъ Скиѳіи!) Въ однѣхъ Аѳинахъ соорудили алтарь Милосердію! Одна Скиѳія имѣла свой Орестеонъ — *храмъ* Дружбы — и алтари ея были — въ сердцахъ народа!

Для полнаго въ этомъ удостовѣренія читателей, разскажемъ содержаніе Лукіанова діалога: *Токсарисъ, или Друзья*, съ переводомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, распутывая напередъ, легко и естественно, одинъ историческій узелъ, не мало затруднявшій ученыхъ: могъ ли Правитель Воспорскаго царства, голдовникъ Рима, платить дань Скиѳамъ временъ Лукіана? Небольшое царство Воспорское, послѣ Митридата подпало верховной власти Рима, или вступило въ *покорный* съ нимъ *союзъ*, съ обязанностью защищать этотъ дальній крайній пунктъ Импе-

ріи отъ нашествія ордъ Азіатскихъ. Для этого, Правителю Воспора надлежало быть въ ладахъ съ ближайшими сосѣдями, съ воинственными Скиѳами-Сколотами, и онъ достигалъ этой цѣли посредствомъ легкой ежегодной имъ дани. Когда и самый Римъ всемірный, при иныхъ Императорахъ, платилъ, ради высшихъ пользъ, ежегодную дань нѣкоторымъ варварамъ, подъ названіемъ *вспоможенія* союзникамъ (хороши были *союзники*!) такъ Воспорскому Царю и Богъ велѣлъ!—Теперь не остается и тѣни сомнѣнія ни въ одномъ обстоятельствѣ, въ разсказѣ Скиѳа.

Сцена діалога—въ Греціи, кажется, въ Аѳинахъ. Собесѣдники: Грекъ Мнезиппъ и Скиѳъ Токсарисъ. Характеры обоихъ обрисованы занимательно: Грекъ нѣсколько легкомысленъ, хвастливъ, витіеватъ; Скиѳъ, напротивъ того, простъ въ своемъ разсказѣ, серіозенъ, сановитъ. Этотъ контрастъ, основанный на народномъ характерѣ обоихъ, придаетъ всему діалогу еще особенный интересъ, подлѣ драматическаго, довольно живаго. Грекъ удивленъ, узнавъ отъ Скиѳа, что соотечественники сего послѣдняго поклоняются Оресту и Пиладу

жертвоприношеніями: «Неужто они у васъ боги?» — Нѣтъ, не боги, а полубоги, иросы! — «Но за что́ было поставить въ полубоги людей, которые были вамъ враги, перебили у васъ стражу свою, умертвили Тоаса, увезли жрицу богини да и богиню самоё? Поклоненіе такимъ людямъ какъ-то смѣшно!»

— Признайся, любезнѣйшій, что это—подвигъ немаловажный и достойный удивленія, по отмѣнной храбрости! Къ тому еще, послѣ Аргонавтовъ, никто дотолѣ не пускался въ этотъ Понтъ *аксенскій* (негостепріимный)! Но не за ихъ подвиги въ Тавридѣ мы Ореста и Пилада поставили въ иросы!

«А, такъ за мореходство! Въ *этомъ* случаѣ, вамъ должно бы было поставить въ иросы Финикіанъ, совершающихъ гораздо важнѣйшіе подвиги этого рода; а Финикіане, по бо́льшей части, промышляютъ соленою рыбою!»

— Знай же, умникъ мой, что Скиѳы, называемые у васъ варварами, лучше нежели Греки понимаютъ людей великихъ! Въ Микенахъ и въ Аргосѣ не найдешь и порядочной гробницы Ореста или Пилада, а у насъ они имѣютъ *храмъ*—и совокупное обоимъ служеніе, въ па-

мять дружбы, соединявшей ихъ въ жизни! Званіе иностранцевъ не мѣшаетъ намъ считать ихъ—иросами! У насъ не спрашиваютъ, откуда родомъ люди отборные, и мы отнюдь не завистливы къ прекраснымъ ихъ дѣламъ. *Восхваляя Иностранцевъ, мы возводимъ ихъ, ради великихъ дѣлъ, на степень нашихъ согражданъ*!» (Какое прекрасное *самочувствіе* народное! Ему уподобляется только самочувствіе Аѳинянъ, считавшихъ *вѣчную ссылку изъ Аѳинъ равною смертной казни*!) «Но *то*, чему мы, въ особенности, поклоняемся въ Орестѣ и Пиладѣ, это ихъ *дружба*! Отъ нихъ можно научиться, *какъ* должны друзья дѣлиться красными и черными днями жизни, и *чѣмъ* удостоишься быть въ чести у самыхъ добродѣтельныхъ Скиѳовъ! Предки наши вырѣзали, на мѣдной колоннѣ, въ Орестеонѣ, повѣсть злополучій, претерпѣнныхъ сими друзьями вмѣстѣ, или однимъ за другаго, и законоположили, чтобы надпись этой колонны была первымъ предметомъ ученія дѣтей, основою воспитанія ихъ, и чтобы они знали наизусть эту надпись. Поэтому, ребенокъ у насъ скорѣе запамятуетъ имя своего отца, чѣмъ забудетъ дѣла Ореста

и Пилада. Все то, что́ вырѣзано на колоннѣ, изображено и въ картинахъ, внутри храма.»

Слѣдуетъ описаніе этихъ картинъ, изображающихъ извѣстныя намъ похожденія Ореста и Пилада въ Тавридѣ. Мы уже упомянули о той картинѣ, въ которой толпа Скиѳовъ бросается останавливать корабль, уносящій Ифигенію и богиню.—Токсарисъ продолжаетъ:

»Здѣсь въ особенности видно, какую привязанность эти два Грека обнаруживали другъ къ другу, въ борьбѣ со Скиѳами! Каждый изъ нихъ не видитъ опасности, ему угрожающей, а видитъ лишь *тѣхъ*, кто нападаетъ на друга его — и стремится заслонять собою друга. Такая дружба, такой равный раздѣлъ всѣхъ опасностей, такая готовность забывать себя, лишь бы спасти друга; наконецъ, такая обоюдная довѣренность и добродѣтель дружбы—вотъ что́ мы считаемъ чѣмъ-то превосходящимъ обыкновенное и удѣломъ лишь высшренннихъ умовъ! У Скиѳовъ всего выше и дороже дружба, которая раздѣляетъ съ другомъ труды и опасности, и мы позоримъ того, кто ей измѣняетъ. Вотъ за что́ мы поставили въ полубоги Ореста и Пилада! И такъ какъ они превзошли

всѣхъ въ дружбѣ, они у насъ зовутся *Коракои*—что́, по вашему, значитъ: охранительные геніи дружбы!...»

Мнезиппъ признается, что Токсарисъ измѣнилъ его образъ мыслей, и что Скиѳы могутъ быть правы, поклоняясь Оресту и Пиладу; но охота издѣваться подъ Скиѳомъ и тутъ еще проглядываетъ: «Я никакъ не думалъ, чтобы Скиѳы цѣнили дружбу до такой степени! Я ихъ воображалъ варварами, всегда сердитыми и суровыми! Путешественники разсказываютъ, что вы кушаете мясо своихъ родителей!..»

Виландъ говоритъ, что онъ *не доискался*, откуда Мнезиппъ взялъ это *глупое* сказаніе, *истину* котораго Скиѳъ какъ бы подтверждаетъ своимъ молчаніемъ! — Очевидно, что это взято изъ Геродота (зри послѣдній § Кн: I), но искажено, вѣроятно, съ умысломъ. Геродотъ, переходя отъ Кира и битвы его съ Массагетами къ обычаямъ сихъ послѣднихъ и оговоривъ именно, что Греки напрасно приписываютъ Скиѳамъ то дурное, что́ дѣлается у Массагетовъ, продолжаетъ о *Массагетахъ*: «Они не назначаютъ предѣла жизни; но когда человѣкъ разрушается отъ дряхлости, родствен-

ники его, собравшись, бьютъ его вмѣстѣ съ скотомъ. Мясо варятъ и ѣдятъ. Этотъ родъ смерти, по ихъ понятіямъ, наилучшій! Умершаго отъ болѣзни не ѣдятъ, но зарываютъ его и считаютъ это—несчастіемъ!..»

Вѣроятно и Массагеты, шесть сотъ лѣтъ спустя, уже не держались этого варварскаго обычая: потому-то гордый, серіозный Скиѳъ счелъ недостойною возраженія такую глупость вѣтренаго Аѳинянина и отвѣчаетъ, кажется, довольно колко: «Здѣсь не кстати (рѣчь идетъ о дружбѣ) разбирать, кто изъ насъ: вы ли, Греки — или мы, Скиѳы — *лучше* исполняетъ обязанности нѣжнаго почтительнаго сына; но уже безъ разбирательства можно сказать, что Скиѳы, лучше Грековъ, умѣютъ быть друзьями! Извини меня, что скажу тебѣ откровенно, какое возымѣлъ я мнѣніе о Грекахъ, съ которыми уже давно обращаюсь: краше васъ никто не *говоритъ* о дружбѣ, но поступки ваши не соотвѣтствуютъ краснымъ словамъ! Когда должно *дѣйствовать* въ пользу друга, вы даете тягу! Вы рукоплещете своимъ поэтамъ, вы плачете, когда вамъ на сценѣ представляютъ подвиги дружбы! Но случись несчастіе съ тѣмъ,

кого вы увѣряли въ своей дружбѣ — и нѣтъ трагическаго героя! Нѣтъ этихъ порывовъ сострадания! Вы дѣлаетесь подобіемъ этихъ театральныхъ масокъ, ротъ которыхъ, страшно разинутый, не произноситъ ни единаго слова!..»

Вслѣдъ за тѣмъ, Скиѳъ нашъ вызываетъ собесѣдника на состязаніе о дружбѣ: каждый изъ нихъ да изберетъ изъ среды своего народа нѣсколько по сему предмету образцевъ, но только новѣйшихъ временъ, лишь дѣла̀ достовѣрныя, случившіяся за нашею памятью — и кто представитъ сильнѣйшія доказательства дружбы, наилучшихъ, по благодушію, друзей— тотъ одержитъ верхъ и возвѣститъ свой край побѣдителемъ въ этомъ прекрасномъ спорѣ. Гордый Скиѳъ охотно подвергается отрубкѣ *правой руки* (позорному у Скиѳовъ наказанію), если въ этомъ рѣшительномъ состязаніи о дружбѣ, его—Скиѳа—одолѣетъ *Грекъ*! Тотъ, отстрѣливаясь сперва эпиграммами, принимаетъ вызовъ и, увѣренный въ побѣдѣ, ставитъ противъ руки Скиѳа урѣзаніе *языка*, лучшаго у Грековъ орудія. Мы ниже увидимъ, что хитрый Грекъ ничѣмъ не рискуетъ, имѣя in petto изворотъ, въ случаѣ неудачи. Условіе: приве-

сти по *пяти* примѣровъ дружбы, засвидѣтельствовавъ напередъ истину разсказовъ важнѣйшею, по понятіямъ каждаго, клятвою.

Грекъ разсказалъ свои пять примѣровъ. Вотъ что́ о нихъ думаетъ Скиѳъ:

«Не буду, какъ ты, сыпать красными словами: это не наше дѣло, особенно, когда дѣла́ гораздо краснорѣчивѣе словъ. Не ожидай отъ меня примѣровъ дружбы, подобныхъ твоимъ: чтобы красавчикъ женился на дѣвушкѣ очень дурной и бѣдной; чтобы другой выдалъ за мужъ, съ двумя талантами приданаго, дочь своего пріятеля; чтобы какой-нибудь Димитрій велѣлъ себя заключить къ другу въ темницу, въ увѣренности, что онъ—Димитрій—тотчасъ же будетъ освобожденъ!... Все это очень легко, и я не вижу тутъ ничего особенно-благодушнаго. Я же поведу слово о грозныхъ битвахъ, о смертяхъ, претерпѣнныхъ друзьями однимъ за другаго—и ты увидишь, что всѣ твои греческіе примѣры дружбы суть *дѣтскія игрища*, въ сравненіи съ примѣрами скиѳскими! Но я понимаю и даже хвалю ваши слабыя попытки въ дружбѣ: живя въ глубокомъ мирѣ, вы не имѣете случая ознамено-

вывать свою дружбу дѣяніями мужества. У насъ же, напротивъ, безпрерывная война — и намъ всего нужнѣе друзья мужественные, и мы считаемъ дружбу—неодолимымъ оружіемъ. Напередъ я долженъ разсказать тебѣ, какимъ образомъ пріобрѣтаемъ мы друзей. Не такъ, какъ вы, на пирушкахъ, и не изъ числа нашихъ сосѣдей или молодыхъ ровесниковъ! Когда у насъ человѣкъ добродѣтельный отличился прекрасными дѣлами, мы его окружаемъ, ухаживаемъ за нимъ, какъ вы за красавицами, на которыхъ жениться хотите; мы изыскиваемъ всякое средство стяжать его дружбу и быть достойными ея. Когда выборъ рѣшенъ, союзъ заключается съ клятвою: жить всегда вмѣстѣ и умереть, если должно, другу за друга. Обрядъ клятвы состоитъ въ томъ, что оба, надрѣзавъ себѣ кончикъ пальцевъ и собравъ въ сосудъ эту кровь, обмакиваютъ въ нее остріе своихъ мечей и потомъ пьютъ ее, прильнувшіе вмѣстѣ къ сосуду. Съ этой минуты они неразлучны. Въ такомъ союзѣ не можетъ быть болѣе *трехъ* лицъ, и тотъ, кто захотѣлъ бы имѣть болѣе двухъ друзей, унизилъ бы себя, въ нашихъ глазахъ, до состоя-

нія извѣстныхъ прелестницъ, ибо мы думаемъ, что дружба, въ бо́льшемъ раздѣлѣ, теряетъ свою силу.»

Скиѳъ принимается разсказывать *свои* пять примѣровъ скиѳской дружбы. Мы такъ же прешли бы ихъ, какъ у Грека, молчаніемъ, представляя противнику судить о нихъ; но примѣры *первый* и *третій* особенно важны тѣмъ, что взаимная дружба двухъ и трехъ частныхъ лицъ оказываетъ сильное дѣйствіе на *весь народъ*, почему мы и назвали дружбу *народнымъ* у Скиѳовъ институтомъ. Кромѣ того, въ первомъ примѣрѣ, сіе дѣйствіе частной дружбы отражается и на *врагѣ*, послѣ удачнаго набѣга — паническимъ страхомъ! Третій же примѣръ касается еще воспорской дани Скиѳамъ, возможность которой мы выше показали и, въ добавокъ, примиритъ и читательницъ нашихъ съ Скиѳами, считавшими дружбу выше всего въ мірѣ — выше самой любви — когда окажется, что дружба не только не вредитъ той нѣжной сердечной привязанности, но и послужила ей, въ *этомъ* случаѣ, неотразимою свахою, успѣвшею тамъ, гдѣ не успѣла бы

никакая другая устроительница судебъ человѣческихъ.

Первый примѣръ. Прошло только четыре дня, какъ *Амизокъ* и *Дандамисъ* связались обрядомъ дружбы. Скиѳы были расположены станомъ по обоимъ берегамъ Дона. Вдругъ, на одинъ изъ этихъ становъ налетѣли Сарматы, такъ неожиданно и въ такой силѣ, что только оставалось скиѳскимъ воинамъ броситься вплавь и соединиться съ другимъ станомъ, для совокупнаго, въ послѣдствіи, отраженія враговъ. Лагерь, со всѣмъ имуществомъ и съ семействами, достался непріятелю. Разумѣется, въ числѣ захваченныхъ врасплохъ были и воины: эту участь имѣлъ Амизокъ. Онъ перекинулъ черезъ рѣку кличъ дружбы—и Дандамисъ, находившійся въ другомъ станѣ, тотчасъ, въ виду всѣхъ Скиѳовъ, бросился въ рѣку, переплылъ ее, остановилъ направленные на него удары враговъ священнымъ словомъ: *Зирисъ*, охраняющимъ жизнь того, кто оное произноситъ, и, представъ передъ начальника вражескаго, требуетъ освобожденія своего друга.— Дешево его не выдадимъ!—«Вы захватили все мое имущество, я весь ограбленъ; но если еще

смогу что-либо, укажи! Возьми *меня* на мѣсто моего друга!» — Нѣтъ! тебя нельзя взять *всего*, когда ты пришелъ къ намъ подъ знаменіемъ Зириса; но *частію* своего состава выкупи друга! — «*Которой* же требуешь изъ частей моего состава?» — Твоихъ *глазъ*! — «На, прикажи выколоть!» — Взявши у него глаза, выдали ему друга, который послужилъ слѣпцу проводникомъ, въ обратномъ плаваніи на другой берегъ. Скиѳы возликовали, сознавъ, что они *ничего* не лишились, когда у нихъ осталось неотъемлемою собственностью — подобная добродѣтель! Сарматы же были озадачены этимъ подвигомъ дружбы и, разсуждая со страхомъ, *какъ*, послѣ этого, будутъ драться Скиѳы, не дерзнули на битву и ночью — бѣжали! Амизокъ не могъ снести *вида* благодушнаго друга, который пожертвовалъ ему зрѣніемъ.... и онъ *себя ослѣпилъ* — и оба знаменитые друга-слѣпца живутъ у насъ понынѣ, на честномъ иждивеніи народа скиѳскаго.

Третій примѣръ. Тройственная дружба; лица ея: Макентъ, Лонхатъ и Арсакомъ. Послѣдній изъ нихъ посланъ Скиѳами къ Воспорскому Князю Левканору за данью, не полученною

отъ него за три мѣсяца. На пиру, Скиѳу полюбилась, до сильной страсти, Княжеская дочь, молодая прекрасная Мазая. На Воспорѣ есть обычай, за обѣденнымъ столомъ просить руки дѣвушки и потомъ излагать свои права на искомый союзъ, выхваляя, въ особенности, богатство свое. Левкапоръ, удовлетворивъ скиѳскаго посла, даетъ ему прощальный пиръ. На этомъ пиру женихи блистательные, даже Царевичи, которые объявляютъ свое искательство руки Мазаиной. Арсакомъ, послѣднiй, сватается: «Левканоръ! выдай за меня свою Мазаю: я лучшiй для нея женихъ, да и *богаче* всѣхъ этихъ другихъ соискателей!»—Левканоръ изумленъ, зная, что Арсакомъ *бѣденъ!* «Сколько же у тебя кибитокъ и стадъ, ибо въ этомъ состоитъ богатство *Скиѳа?*»—«Нѣтъ у меня ни кибитокъ, ни стадъ, ни табуновъ; но есть *два друга*, самые добродѣтельные и храбрые изо всѣхъ Скиѳовъ!» Всѣ расхохотались надъ *этимъ* богатствомъ — и Левканоръ присудилъ свою дочь *другому*!—По возвращенiи своемъ въ Скиѳiю, Арсакомъ, столько же обиженный за своихъ друзей, какъ и за самого себя, разсказываетъ имъ горькую надъ дружбою насмѣшку

и признается, что жить не можетъ безъ Мазаи! Надо же этимъ супостатамъ доказать, что̀ сможетъ дружба скиѳская! Виновнѣе всѣхъ Левканоръ, самъ смѣявшійся и своимъ гостямъ дозволившій смѣяться надъ святостью дружбы, считать дружбу скиѳскую менѣе ничтожныхъ сосудовъ серебряныхъ! Друзья раздѣляютъ между собою трудный подвигъ мести и любви: Лонхатъ берется доставить Арсакому—голову Воспорскаго Князя; Макентъ—невѣсту, отвезенную въ новое отечество, но еще не вышедшую замужъ; а самъ Арсакомъ остается въ Скиѳіи, для набора войска, готоваго встрѣчать ратную бурю, долженствующую быть послѣдствіемъ отчаянныхъ дѣйствій Лонхата и Макента.

Но какимъ образомъ небогатый Скиѳъ наберетъ значительное войско? А вотъ какъ! Онъ разскажетъ всенародно обиду, ему причиненную; принесетъ на жертву быка, сваритъ и разрѣжетъ мясо на кусочки; подлѣ явствъ, на лугу постелетъ кожу быка, сядетъ на ней и сложитъ руки наопакъ, будто связанныя: это сильнѣйшій родъ взыванія въ помощь! Если проситель извѣстенъ своею честностью и хра-

бростью, сердца согражданъ отзовутся дѣятельнымъ соучастіемъ. Посмотрите: по одиначкѣ подходятъ Скиѳы, отвѣдываютъ мяса и правою ногою ставъ на кожѣ, обѣщаютъ — кто сколько можетъ ратной силы, на собственномъ иждивеніи: одинъ даетъ *пять* ратниковъ, другой *десять*, иной и *сто!* А кто совершенно бѣденъ, даетъ лишь себя самого. Наберется огромная сила, фанатически одушевленная обрядомъ набора—и бѣдный проситель становится Главнокомандующимъ. — Лонхатъ представляетъ Арсакому—возлюбленную его, еще *дѣву*; а Макентъ—голову Левканора!.. Идетъ на Скиѳію мстительная война... вражеская рать, ведомая ограбленнымъ женихомъ, сильнѣе, чѣмъ воинство Арсакома; но сіе воинство, набранное на *кожѣ быка*, побѣдило—и стяжало миръ на самыхъ выгодныхъ для Скиѳіи условіяхъ: Воспоръ подвергся двойной дани Скиѳамъ; дружба скиѳская доказала и свое *благопріобрѣтательное* превосходство надъ серебряными сосудами и всѣми прочими благами вещественными.

«Вотъ что̀ совершаютъ скиѳскіе друзья!» воскликнулъ Токсарисъ, участвовавшій лично въ

этой экспедиціи со *стами* воинами, данными имъ *на кожѣ* (Токсарисъ, поэтому, былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ Скиѳовъ), и разсказавъ еще остальные два примѣра, спрашиваетъ Грека: «Кто же изъ насъ долженъ потерять или правую руку, или языкъ?»—Отвѣтъ Грека: «Никто! Мы не поставили судьи; мы пускали свои стрѣлы на воздухъ!»—«Въ этомъ-то состоитъ хитрость ваша, Мнезиппъ!»—Серіозный Скиѳъ не отвергнулъ бы судьи *до* начала разсказовъ, да и теперь готовъ предоставить рѣшеніе—совѣсти! Однако Грекъ косвенно признается побѣжденнымъ, остепенившись весьма замѣтнымъ образомъ:

«Для чего одному изъ насъ лишиться руки или языка? восклицаетъ онъ: это слишкомъ жестоко! Мы совершенно согласны въ *одномъ*, что дружба—*высшее* въ мірѣ! Что̀ же помѣшаетъ намъ заключить между собою *подобный* союзъ дружбы? Тогда мы оба—побѣдители, и вмѣсто отсѣченной руки или урѣзаннаго языка, мы будемъ имѣть по два языка, да по четыре руки, гла́за и ноги́—словомъ: каждый изъ насъ будетъ *двойной!* Ты знаешь миѳъ о Геріонѣ, съ тремя головами и шестью рукъ: это

символъ *трехъ* друзей, всегда дѣйствующихъ вмѣстѣ, какъ *одинъ* человѣкъ!»

Токсарисъ соглашается заключить союзъ дружбы со Мнезиппомъ, видя, что онъ, съ свойственною Греку впечатлительностью и тонкостью чувства, возвысился внезапно отъ вѣтрености, хвастовства и баламутни до серіознаго уразумѣнія высшей дружбы, встрѣчаемой лишь въ образѣ Скиѳа: «И такъ будемъ друзья— и, кромѣ того, соединимся еще гостинымъ родствомъ: отнынѣ буду я *твоимъ* гостемъ въ Греціи, а ты будешь *моимъ* въ Скиѳіи, если когда-либо пріѣдешь туда!»

Мнезиппъ. Да, Токсарисъ! Я не только пріѣду въ Скиѳію, но готовъ странствовать и далѣе, если могу надѣяться найдти тамъ друзей, какихъ явили мнѣ твои разсказы!

Читатели наши, безъ сомнѣнія, будутъ судить о дружбѣ скиѳской, какъ Мнезиппъ. Мы же послѣдуемъ примѣру нашего Скиѳа: Когда дѣла̀ краснорѣчивѣе словъ, къ чему же слова? Повторимъ только, въ заключеніе, что никакого другаго народа Исторія не являетъ намъ дружбы—институтомъ народнымъ! И если, можетъ быть, нѣчто подобное существовало ког-

да-либо у дикихъ племенъ, то нѣтъ столь блистательнаго тому, столь достовѣрнаго *свидѣтеля истины*, каковъ, относительно нашихъ Скиѳовъ—*Лукіанъ!*—Какъ ни прекрасенъ этотъ народный институтъ у Скиѳовъ, но еще прекраснѣе *то*, что первобытные сыны Россіи могли поставить въ свои *Коракои* — охранительные геніи дружбы—*враговъ* своихъ Ореста и Пилада, подчиняя народное самолюбіе и тщеславіе поклоненію высокой, чисточеловѣческой добродѣтели сихъ враговъ! Другаго примѣра подобнаго опять не сыщешь во всемірной Исторіи!

Человѣкъ самымъ достойнымъ образомъ исполняетъ свою земную судьбу, если онъ дѣтямъ своимъ и знакомымъ — вообще, малому вокругъ него міру, имъ осѣняемому, завѣщаетъ, какъ итогъ жизни своей—примѣръ человѣколѣпія! *Народъ* превосходно исполнилъ свою національную миссію, оставивъ памятникомъ своего бытія—*храмъ дружбы!* Скиѳы совершили эту миссію, вполнѣ выразили *одну* изъ міровыхъ идей, распредѣляемыхъ свыше по народамъ, для осуществленія. Не только *Славяне*—грубый *начатокъ* потомственныхъ по-

колѣній Скиѳовъ, не могли совершить ничего достопримѣчательнаго, относительно всемірной Исторіи; но и *мы*, въ которыхъ тотъ начатокъ уже развитъ до мужества, въ образѣ святой Руси—только что выступаемъ на свое міровое поприще, и идея нашей національной миссіи еще не совсѣмъ ясна! Она прояснится для насъ въ чистомъ образѣ человѣческихъ, братскихъ между нами соотношеній, у грандіознаго *памятника* народнаго завѣщанныхъ намъ—Скиѳами!..

Признайтесь, что вы донынѣ не знали Скиѳовъ! Полюбите же ихъ теперь; благоговѣйте къ міровому памятнику ихъ бытія! Гордитесь такими первобытными предками и, въ особенности, пріймитесь исполнять чистый, возвышенный завѣтъ, которымъ, изъ рода въ родъ, благословили васъ—*Скиѳы!*..

—

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечат.*	*Читай.*
50	7	профаномъ	профанамъ
51	9	неимѣетъ,	неимѣетъ
54	18	Грецію	Греціею
81	10	ны въ	ныхъ
159	7	представляя	предоставляя.

—

